

Андрей Курков

ТОНКАЯ
МАТЕМАТИКА
СТРАСТИ

FOLIO

Андрей Курков

**Тонкая математика
страсти (сборник)**

«Фолио»

2011

Курков А. Ю.

Тонкая математика страсти (сборник) / А. Ю. Курков —
«Фолио», 2011

При всем разнообразии сюжетов произведения Андрея Куркова объединяет страстная мечта героев обрести любовь. Поиск любви – главная движущая сила сюжета и романа "Любимая песня космополита", и всех восьми рассказов, вошедших в предлагаемую читателю книгу. Реальное и ирреальное, философия и жизненная правда, размеренный ход событий и неожиданные повороты сюжета удивительно соединились в произведениях Куркова, и это удерживает читателя в напряжении от первой до последней страницы.

© Курков А. Ю., 2011

© Фолио, 2011

Содержание

Любимая песня космополита	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Курков

Тонкая математика страсти (сборник)

Любимая песня космополита

*– Кажется, я слышала взрыв... Как раз перед заходом солнца.
– Наверное – эхо, – сказал он, оторвав взгляд от исписанного
мелким почерком листа бумаги. – Какой-нибудь обвал в горах... Принеси
ликера!
– Ты дописал! – догадалась она и тут же радостно предложила:
– Может, тогда лучше шампанского?!
– Нет, – произнес он. – Сегодня нельзя праздновать. Полнолуние!
Сегодня можно лишь напиться.
Он сдвинул только что законченную рукопись на край красного
пластмассового столика и, обернувшись к морю, закурил.
– Он все равно не смог бы здесь жить... – шептали его губы.
А с неба на террасу лился желтый лунный свет, и где-то далеко
выл волк.
Эпиграф вместо эпилога*

Это был прекрасный город. Единственный в своем роде. Двумя величественными горами он был прижат к теплому южному морю. Вычурные домики, отели, магазины начинались в десяти шагах от линии прибоя и поднимались на тысячу метров вверх.

Однажды я забрался достаточно высоко и оттуда около часа любовался невероятным сказочным видом – эти домики, как зверушки, пришедшие на водопой, терпеливо стояли друг за другом, с завистью заглядываясь на корабли, катера и даже мелкие рыбацкие лодки. Ярко светило солнце, и земля под его лучами безропотно испаряла солоноватую приморскую влагу. Было утро, и испаряющаяся влага превращала воздух в перламутровое стекло. На моих глазах низенькие одноэтажные домики тяжело вздыхали известняковыми боками и спросонья щурились узенькие оконницы. Кипарисы потягивались и подравнивали свои ветви. А вышедшие на улицы люди казались медлительными, нехотя плывущими по воздушному течению птицами.

Это был чудесный город. Немилосердная жизнь гоняла меня по десяткам городов, по высокомерно насуспенным столицам великих государств, по разоренным и процветающим селам, по равнинам и по взгорьям, но все эти мытарства, во время которых мне несколько раз приходилось менять военную форму, остаются грудой скомканных впечатлений на одной чаше весов. А на второй – в сиянии южного солнца, окаймленный ожерельем гор и пронзительной синью моря, лежит этот город, единственный встретившийся мне МИРНЫЙ город. Город, освободивший меня от того, что казалось мне неизбежностью – от необходимости пожизненно и посмертно принадлежать той земле, по которой ты идешь.

В этом городе я стал потихоньку избавляться от единственной своей болезни – от врожденного абсурда моей жизни. Эту болезнь я получил по наследству, и, мне кажется, я имею право винить ее во всем, что происходило со мной. Этот абсурд начался незадолго до моего появления. Начался он со случайной встречи моей будущей матери – палестинки по рождению, и отца – польского контрреволюционера, сосланного в Сибирь. Они были вместе несколько дней. Потом Адель, так звали мою мать, взяла у Мечислава, моего отца, адрес его родных и каким-то чудом добралась до Польши, где и произвела меня на свет. Проведя в Польше целый год, она исправно кормила меня грудью, но однажды в один день собрала вещи и, оставив меня,

уехала. Позже мои польские родственники объяснили мне, что она уехала сражаться с евреями, которые в 1948 году с благословения Сталина создали свое суверенное государство на палестинской земле. Больше я не видел своей матери. А отца помню только по фотографиям, которые показывала мне бабушка. Мы как раз в то время уезжали в Америку, и бабушка пересматривала семейные фотоальбомы, решая, какие снимки брать, а какие выбрасывать. Она очень спешила уехать, предвидя, какие в скором будущем выстроятся очереди перед посольствами развитых стран. Правда, бабушка признавалась потом, что мы поспешили. Можно было пожить в Польше еще лет пять-шесть, но, как говорят на родине отцовской ссылки, – «после драки кулаками не машут».

В Америке я получил достаточное образование, чтобы иметь обо всем собственное суждение. С Америкой же связано мое первое и, слава Богу, последнее великое заблуждение о сути патриотизма. Поддавшись на «патриотические» воззвания, я оказался в первом эшелоне ограниченного контингента американских войск во Вьетнаме. Плывая по океану, мы пели прекрасные бравурные песни. Чувствовали себя героями-конкистадорами. Мы плыли защищать хороших вьетнамцев от плохих вьетнамцев. Но мы-то не знали, что внешне хорошие вьетнамцы ничем не отличаются от плохих, как не отличаются внешне и хорошие американцы от плохих американцев. Прозрение пришло ко мне, но прежде я убил несколько «плохих» вьетнамцев, укокошивших моего приятеля. С трудом я тогда избавился от поразившей меня первобытной бациллы мщениа.

Так я разлюбил Америку. Я ушел к «плохим» вьетнамцам. Я предложил им свою помощь. Хотел учить их английскому, польскому языкам. Но они просили меня научить их побеждать американцев. Так я разочаровался и в них.

Оказавшись меж двух воюющих сторон, я представлял собой третью – невоюющую и этим, должно быть, сильно раздражал обе стороны. Обе стороны объявили награду за мою голову, которая в данном случае никакой стратегической или иной ценности не имела, тем более что никаких секретов, известных мне, не было. И я бежал, скрываясь от всех вооруженных людей.

Я бежал несколько лет. Бежал в сторону Ближнего Востока. По дороге мне шесть раз предлагали участие в военных действиях за «правое дело». В пяти случаях отказаться было невозможно, отказ был равнозначен самоубийству. И я снова надевал какую-то военную форму, получал какое-то оружие и в очередной раз ожидал удобного момента, чтобы дезертировать из неизвестной мне армии. Однажды я забыл сбросить форму и несколько дней пробырался по руслу высохшей реки, пока не добрался до маленького селения. Я постучал в первую попавшуюся мне глинобитную хижину, хотел попросить воды. Открывшая дверь арабка так громко завизжала при виде меня, что в следующие две минуты за моей спиной собралась вся деревенька. Они так радостно галдели, показывая на меня пальцами и что-то рассказывая своим детям. Потом они начали меня одаривать лепешками и урюком. Дошло до того, что меня на руках отнесли в самую высокую хижину, где и оставили на ночь. Однако поздно ночью, когда я видел один из самых мирных своих снов, эти же люди меня растормошили, знаками показав, что мне надо срочно убегать. Когда я в темноте с мальчонкой-проводником выходил из деревеньки, до моих ушей донесся гул танков, подходивших с другой стороны. Мальчонка довел меня до русла высохшей речки и умоляюще заглянул мне в глаза, одновременно схватившись своей ручонкой за автомат. Я понял его просьбу и снял автомат с плеча. Пройдя километров пять, я услышал стрельбу со стороны покинутой мною деревни. Позже я сообразил, что причиной радости местных жителей была не снятая вовремя военная форма. После этого я стал внимательнее относиться к деликатному вопросу самовольного ухода из рядов неизвестных мне армий.

Как бы там ни было, но спустя годы я оказался на родине моей матери, где мне тут же повязали на шею теплый серо-белый платок и вручили короткоствольный автомат и несколько

гранат. На следующий день я, будучи под контролем «однополчан», подорвал гранатой израильский патруль, за что был сразу награжден непонятной бронзовой медалью, испещренной мелкой арабской вязью. На стороне палестинских патриотов я воевал дольше, чем обычно. Объясняется это довольно легко – меня ни на минуту не оставляли одного, и я уж было испугался, что эта невидимая линия фронта окажется для меня последней. Но вскоре «однополчане» решили мне доверить «великую миссию Аллаха». Они поручили мне пробраться через Саудовскую Аравию в Иран и убить аятоллу Хомейни, позволившего себе нелестное высказывание в адрес старшего брата палестинцев Ясира Арафата. Не трудно угадать, что со мной приключилось дальше. Уже на границе Ирана меня переодели в форму стража исламской революции и в числе других мусульман, возвращавшихся со священного хаджа в Мекку, отправили на не менее священный ираноиракский фронт. Военные действия на этом фронте меня позабыли тем, что солдаты постоянно смотрели в небо и в зависимости от увиденного перепрыгивали из одной воронки в другую. На этом фронте я похудел килограмм на восемь. «Повоевав» таким образом с недельку, я спокойно, без всяких трудностей покинул линию фронта и ушел в горы. Слава Аллаху, никакие посты на ночь не выставлялись. Видно, аятолла полагался на высокую мусульманскую сознательность правоверных. В них он не ошибся.

Следующий и последний мой фронт оказался в Афганистане, куда я вышел после недели пешего перехода по ущельям. Дехкане встретившегося мне на пути аула ласково приняли меня, накормили, напоили, а когда я уже заснул на заботливо постеленной мне циновке, добрые местные жители тщательно связали меня и поволокли на осле назад в горы. Очнулся я, когда какой-то европеец в чалме пытался заговорить со мной, используя полтора десятка незнакомых мне языков. Он был весьма озадачен, но когда я поинтересовался у него по-английски, чем я могу быть полезен, он радостно подскочил. Узнав, что я в некотором роде американец, европеец предложил мне развлекательную экскурсию в какое-то живописное ущелье, предупредив при этом, что мне придется взять с собой автомат, так как в ущельях сейчас много стреляют.

Эта экскурсия окончилась плачевно. Местные жители, с которыми мы шли, оглушили нас по дороге, связали и передали в руки какой-то джирге. Я так и не понял, что обозначало это слово. Во всяком случае это не было название местного суда или подобного карающего органа. «Джирга», представлявшая собой трех седобородых горцев, отвезла нас в городок, где случилось непредвиденное: такие же горцы расстреляли сопровождавшую нас «джиргу», перегрузили нас на других ослов и снова уволокли в горы.

В конце концов мы попали в то же ущелье, из которого отправлялись на «экскурсию». Вечером, оставшись один, я нашел какую-то военную форму зеленого цвета, которую горцы использовали вместо подушки. Я надел эту форму и спустился с гор. До сих пор я считаю, что это был самый разумный мой поступок в этой жизни. Около двух дней я спускался с гор и вышел к военному лагерю, в котором находились европейцы в такой же зеленой форме. Уже подходя к воротам, я заметил нескольких притаившихся дехкан, вытаскивавших из длинного деревянного ящика небольшую ручную ракету. К этому времени я уже понял сущность восточного гостеприимства, поэтому снял автомат с плеча и попробовал их обойти. Увы, я так и не научился ходить незаметно. Первый же мой шаг был услышан правоверными, и слава Аллаху, что я успел разрядить в них автомат быстрее, чем они сообразили запустить в меня ракету. На стрельбу сразу же прибежали бойцы из военного лагеря. Четверо душманов оказались прошитыми одной моей очередью. Один из них уже был в гостях у Аллаха, другие только собирались. Симпатичные ребята в зеленой военной форме принялись меня обнимать. Потом подошел офицер, крепко поцеловал меня, при этом чуть не поцарапав мой нос жесткими усами. Мне дали медаль с нормальным европейским текстом. Кроме медали мне тут же объявили отпуск на 20 суток. Они подумали, что я контужен и поэтому не разговариваю с ними и не отвечаю на их вопросы. Меня отвезли на джипе в Кабул, а оттуда я уже был переправлен к

морю, в самый удивительный, самый мирный в мире город. У этого города не было имени. У него было название:

ГОРОД ДЛЯ ОТДЫХА ГЕРОЕВ ВРАЖДУЮЩИХ АРМИЙ.

Это был прекрасный город. На моих глазах низенькие одноэтажные домики тяжело вздыхали известняковыми боками и спросонья шурили узенькие оконницы. Кипарисы потягивались и подравнивали свои ветви. А вышедшие на улицу люди казались медлительными, нехотя плывущими по воздушному течению птицами.

Через день после приезда у меня возникло впечатление, что я обрел давно утраченную родину. Я приехал утром. Вышел из машины и тут же увидел перед собой белый, как фата невесты, дом. Я подошел к нему и погладил ладонью известняковую стену, еще не прогретую восходящим солнцем. А потом соединил ладони в молитвенном жесте и ощутил приятную шершавость оставшихся на коже известняковых крупинок. Если ваша судьба не напоминала шарик для пинг-понга, то вы не поймете меня. Просто любая война ощущается сначала ладонями, потом глазами. Она приучает ваши ладони к холодному металлу, к гладким бокам снарядов, к грязи, в которую приходится бросаться во время обстрелов. Ваши ладони постепенно огрубевает, и тогда может наступить самое страшное – атрофия чувствительности, когда ваша ладонь не сможет отличить разгоряченный ствол пушки от нежной женской руки. Если это уже произошло – можете прощаться с жизнью, вам ее больше никогда не полюбить. Вам покажется, что жизнь – это короткая передышка между атакой и контратакой. Со мной, слава Богу, этого не произошло. Я не дал приучить свои ладони к войне. И теперь меня радует каждое касание к дереву, к стене дома, к женщине, пытающейся понять меня. Я знаю, что я живой, и это, пожалуй, главное.

Первые дни я просто бродил по городу, изучал его, глазел на море и горы, на мужчин, сплошь одетых в спортивные костюмы, на девушек, прогуливающихся по набережной. Я уже знал кое-что об этом городе. Вся его история состояла из двух хронологических дат: «XII век – основан и построен мусульманами, XX век – освобожден европейцами». Вся остальная история – это сегодняшний день.

Как только я приехал, водитель отвел меня в ратушу, где первым делом поинтересовались, на чьей стороне и где я воевал. Вместо ответа я показал обе свои медали. Мне тут же объяснили, что носить медали в городе запрещается, равно как и носить военную форму, оружие и все прочие предметы, имеющие прямое или косвенное отношение к военным действиям.

За прошедшие годы я не раз пытался дать свое определение, более полное и подробное, всем возможным военным действиям. Постепенно границы этого понятия в моем сознании расширялись соответственно обогащению моего вынужденного военного опыта, и в конце концов я понял, что военные действия включают в себя не только и не столько маневры, атаки, расстрелы и бомбежки, но и вооруженный грабеж, бандитизм и любые другие виды агрессии. Если человек гласно или негласно объявляет войну другому человеку, закону, обществу, все его дальнейшие действия можно смело называть военными. К этим же действиям я отношу военные игры детей, с ранних лет приучаемых к игрушечным автоматам, танкам и пушкам, к шуточным расстрелам и обыскам. Я в своей жизни не встретил еще ни одного ребенка, который не мечтал бы побыстрее вырасти и повоевать. А сколько раз я задавал детям вопрос: «Кто твой враг?» и в ответ слышал не имена мальчишек с соседней улицы, а названия стран и национальностей, о которых эти дети и понятия не имели. Я было уже совсем потерял надежду найти какую-нибудь мирную страну и стать ее гражданином, но моя пинг-понговая судьба сжалилась и привела меня в этот город, где я в первый же день облачился в казенную спортивную форму и принял образ жизни отдыхающих героев враждующих армий.

Поселился я в небольшой гостинице, расположенной далековато от моря, но рядом с кипарисовой рощей. Портье мне объяснил, что в этом городе все услуги, включая еду и кофе, бесплатные, а также пообещал подселить ко мне какого-нибудь симпатичного парня, так как номер был двухместный.

Перед тем как выйти, он как бы вспомнил что-то очень важное и, обернувшись ко мне, спросил:

– А вы знаете все пять правил поведения в этом городе?

– Нет, – признался я.

– Тогда послушайте, – сказал он мягко, подошел к висевшему на стене динамику и нажал кнопку.

– Герой! – чуть ли не выкрикнул динамик настоящим командирским голосом, отчего я вздрогнул. – Добро пожаловать в наш город! Внимательно прослушай правила, строгое соблюдение которых поможет нам сделать твое пребывание здесь приятным и безопасным праздником. Правило первое: твой приезд сюда – это награда за подвиг, совершенный в военных условиях. Но помни, здесь отдыхают только герои, поэтому будь скромным. У нас не принято говорить о подвигах. Это правило не касается генерала Казмо. Правило второе. Этот курорт создан для отдыха героев всех воюющих армий. Естественно, что ты очень гордишься своей родиной и тебе наверняка кажется, что твоя страна самая лучшая и самая справедливая, но (!) для укрепления духа настоящего интернационализма и международного братства любая политическая пропаганда здесь строго запрещена. Героям армий Ирана и Ирака не рекомендуется также беседовать между собой о мусульманских пророках. Это правило не касается генерала Казмо. Правило третье. Все мы здесь – отлично подготовленные солдаты. Следовательно, нет никакой необходимости в проведении военных маневров или других упражнений, целью которых является поддержание себя в хорошей боевой форме. Хождение строевым шагом строго запрещено. Это правило не касается генерала Казмо. Правило четвертое. Здесь мы все равны, поэтому не стоит подчеркивать свою индивидуальность с помощью ношения военной формы, наград и оружия. Это правило не касается генерала Казмо. Правило пятое. Здесь мы все равны, так что нет никакой необходимости пользоваться военным или командирским голосом. Пародирование моего голоса строго запрещено. Это правило касается и генерала Казмо, хотя он имеет право нарушать это правило. Благодарю за внимание и желаю хорошего мирного отдыха!

– Ну вот теперь вы все знаете! – улыбнулся портье, подходя к двери. – Если нужна помощь – всегда к вашим услугам!

Я остался один в небольшом номере на двоих с широким окном, за которым виднелись домики города, сбегавшие вниз к пускающему на солнце блики морю. Ветра не было. Южная волшебная тишина проникала в комнату. С непривычки она меня настораживала, и уже я сам боялся нарушить ее, словно был окружен врагами и не хотел выдать себя ни вздохом, ни шорохом. Вскоре страх прошел, но вместо него появилось некое уважение к тишине и теперь я не хотел ее нарушать совсем по другой причине, по причине, которую трудно было бы объяснить словами.

Я присел на кровать. Звякнула металлическая сетка под матрасом. Посидев еще немного, я поднялся – сетка еще раз звякнула – и вновь подошел к окну.

Там внизу, совсем недалеко от берега, кто-то учился управлять яхтой. Яхта была крошечная, но даже над ней кружилась чайка.

Наблюдая за галсами этой яхты, я поймал себя на совершенно порочной мысли – мысли о том, что в такую маленькую яхту попасть из пушки береговой артиллерии, должно быть, совсем нелегко. Закрыв глаза, я легко представил себе ту же самую маленькую яхточку под обстрелом, но тут же прогнал сей плод больного воображения.

Начиналась иная жизнь, и начиналась она со всего, замечаемого мною в этом городе. С улыбок незнакомых мне людей, о которых я знал лишь одно – герои, отличившиеся в мастер-

стве убивания врагов своей страны, своего правительства или племени, со светлых просторных кафе на широкой набережной, с полного отсутствия стариков и старух, в ином месте заполнивших бы скамеечки, с которых так приятно и успокоительно наблюдать за приближением морских волн и их постоянным единоборством с песком и камнями этого южного берега.

Начиналась иная жизнь, и единственное, во что я не верил и не хотел поверить, так это в то, что жизнь эта продлится всего лишь двадцать дней.

Зайдя в первое попавшееся мне кафе, я присел за столик к русоволосому парню.

Молодая девушка подошла ко мне почти балетной походкой – принесла кофе и спросила: не желаю ли я пирожного или взбитых сливок.

Я усмехнулся сам себе: меня никогда еще не спрашивали – не желаю ли я чего-либо! Только в самом раннем детстве бабушка могла побаловать меня подобным вопросом.

– Сливки с орехами и шоколадом! – произнес я, чувствуя некоторую неловкость, словно собирался съесть чей-то военный паек, оставив неизвестного мне человека голодным.

– Минуточку! – каким-то удивительно певучим голосом пропела девушка и той же почти балетной походкой прошла к стойке.

Мы разговорились с русоволосым парнем. И интересно то, что лишь после начальной стадии разговора, из которой мы узнали, что взгляды наши на многие вещи и материи совпадают, решили представиться друг другу. Его звали Вацлав. Да, первый мой знакомый в этом городе, наверное, не мог не оказаться поляком. Эта нация, к которой я сам частично причисляю себя, повторяет историю еврейского народа, только при полном отсутствии гонений со стороны фараона или иных египтян.

Девушка принесла заказанные мною сливки и совсем убила меня вопросом относительно последующих моих желаний. Я чуть было не признался в желании поцеловать ее.

Прекрасный крепкий кофе, взбитые сливки, прозрачная стеклянная стена кафе, улица, собранная из средневековых домов, краешек моря, выглядывающий из-за невысокой магнолии, и вдруг: статный старик в генеральской форме появляется перед стеклянной стенкой кафе и смотрит на нас, нет, больше чем смотрит – он разглядывает нас в полевой бинокль, потом переводит свой увеличенный многократно взгляд на мои еще недоеденные сливки.

– Генерал Казмо, – негромко сообщает мне Вацлав, кивая на старика.

Так вот он каков, человек, имеющий право нарушать все правила проживания в этом городе. Интересно, за что ему такая честь?! Чем он заслужил ее?

Старик опустил полевой бинокль и смотрел уже «невооруженным» взглядом на меня и Вацлава.

Вацлав кивнул ему приветливо, на что генерал улыбнулся и решительным, если не сказать военным, шагом направился ко входу.

– Только не перебивай его и не спрашивай ни о чем! – шепотом успел предупредить меня мой новый друг.

Генерал уселся за наш столик. Тут же возникла наша «кофейная балерина», как я ее окрестил, и застыла в ожидании желаний нового, судя по всему именитого посетителя.

– Кофе с водкой и кусочек «наполеона»! – довольно мягким голосом произнес он и только после этого перевел свой взгляд на нас.

– Привет героям! – с явно выраженным сарказмом в голосе сказал генерал. – Хотя пусть мне вырвут все здоровые зубы, если в каждом из вас не сидит по скрытому пацифисту!

Я бросил быстрый взгляд на Вацлава, но выражение его лица было более чем спокойным – вполне дружелюбным по отношению к генералу.

– Как все-таки жизнь нас меняет! – продолжал после короткой паузы, сопровождавшейся громким вздохом, генерал Казмо. – Я раньше терпеть не мог пребывания в мирных условиях, а оказался единственным постоянным жителем этого города. Точно в ссылку сослали! А вы вот все войну ненавидите, а здесь – только в гостях! И наверняка, чтоб сюда угодить, геро-

ями притворились: кому-нибудь в спину стреляли! Была б моя воля – собрал бы вас в одну армию и таким вот ограниченным контингентом прошелся бы по европам и азиям, освобождая народы друг от друга и от диктатур. Как приятно, когда ты на коне или на танке... по дорогам чужой страны, а тебе девушки цветы подносят, старушки – яблоки, яйца и молоко, несмышленные ребятишки ручонками машут, а цыгане и евреи на скрипках играют. Нет, только в армии человек может почувствовать себя человеком. Но для того чтобы почувствовать себя человеком с большой буквы – надо не в одной армии послужить! Как можно успешно воевать против немцев, если до этого ты не воевал с немцами против французов или каких-нибудь еще врагов великого рейха?! Как можно сражаться против армии, в которой ты не служил и о порядках которой ты ничего не знаешь?! Конечно, офицерам полегче... они армии как перчатки меняют. Но ведь и вам ничего не стоит вернуться после отдыха в любую другую армию. Какая разница, где подвиги совершать: в Африке или в Азии?! Подвиг везде подвиг, если он, конечно, не липовый!.. Эй, где мой кофе с водкой?!

Генерал повернул голову в сторону буфета.

– Господин генерал, – донесся певучий голосок «балерины». – Ваша водка еще не нагрелась до нужного градуса.

– А до какого нагрелась? До ненужного?! – генерал оглянулся на нас, словно проверял: оценили ли мы его шутку.

Вацлав улыбался. Я последовал его примеру.

– Только двадцать семь по Цельсию, – оправдывалась «балерина». – Мы же ее в холодильнике держим.

– Да ладно, неси! – махнул рукой генерал.

«Балерина» почти подлетела к нашему столику с подносом на одной руке. Поставила на столик перед Казмо заказанный им кофе, рюмку водки, кусочек «наполеона» на блюдечке.

«Ты глянь!» – удивился я мысленно, заметив, что блюдечко было не одноразовое, а из настоящего фарфора.

– Ты знаешь, почему я обожаю «наполеон»?! – старик-генерал уставился в упор на Вацлава.

Вацлав дернулся, словно готовясь к побегу, но потом взял себя в руки и сказал:

– Многие пожилые люди в Европе любят сладкое из-за недостатка сахара в крови...

Прозвучало убедительно и вполне научно.

– Что за чушь?! – Казмо так широко раскрыл глаза, что мне показалось, они вот-вот выпадут. В моей жизни мне довелось однажды наблюдать за одним майором, вставлявшим себе каждое утро искусственный глаз. Иногда даже приходилось помогать ему вдавливать эту мерзкую пластмассовую копию человеческого органа в пустую, смазанную гигиеническим кремом глазницу. Так вот, в этот момент мне показалось, что Казмо просто собирался дать своим пустым глазницам отдохнуть от искусственных глаз и именно поэтому раскрыл глаза до физического предела.

– Да я просто люблю этого полководца! – рявкнул он, словно заранее зная, что мы не оценим по достоинству эту любовь.

Я пожал плечами и тут же понял, что совершил ошибку.

– Ты! – гаркнул генерал, глядя на мои замершие плечи. – Ты что, меня за маразматика принимаешь?!

– Никак нет! – испуганно вякнул я.

– Отставить! – скомандовал генерал. – Только я здесь имею право говорить по-военному!

– Извините! – произнес я, вспомнив о правилах поведения в этом городе.

– Черт с тобой! – вдруг смягчился Казмо и вновь обернулся к Вацлаву.

Вацлав глядел через стеклянную стенку на улицу, где в это время с маленькой рыжей собачкой на поводке прогуливалась молодая женщина. Ее черные как смоль волосы были

собраны в косичку, торчащую вверх. Под спортивным серым костюмом угадывалась неплохая фигура.

Генерал тоже повернул голову в ту сторону.

– Хм?! – загадочно произнес он, допил одним глотком водку, запил ее, а если быть точнее – закусил кофейной гущей, остававшейся на дне его чашки и, не сказав ни слова, вышел из-за столика.

Девушка уже исчезла из виду, тут же в ее направлении прошел старик-генерал, а еще через минуту на всю улицу растянулась собака, но вдруг ее тьяканье потонуло в отборной ругани, загремевшей тоже на всю улицу. Голос принадлежал генералу Казмо. И Вацлав и я рассмеялись.

Вернувшись в гостиницу, я обнаружил, что у меня появился сосед по комнате. Звали его Иван, но он предпочитал, чтобы его называли: «Айвен». Был он типичным русским парнем: голубые глаза, русые волосы, толстые губы, густые брови, соединяющиеся над переносицей. Узнав, что я прибыл в этот город из Афганистана, он обнял меня и расцеловал трижды, назвав при этом «братишкой»! Я был озадачен. Но вскоре он поведал мне, что свой подвиг совершил в одной из стран Африки, выполняя интернациональный долг, и поэтому, мол, мы с ним можем быть полностью откровенными в отношениях друг с другом. Хорош повод быть откровенным! Потом он достал из своего чемодана военную полевую форму, погладил ее и спрятал на место. Все это он делал, как мне показалось, только из расчета, что я увижу то, чем он дорожит. В этот момент он дорожил военной формой, пистолетом «ТТ» и энциклопедическим справочником по птицам Африки на венгерском языке. Правда, чуть не забыл упомянуть хороший бинокль, кажется, даже еще более мощный, чем бинокль на груди у генерала Казмо. Я рассказал Айвену-Ивану о правилах поведения в этом городе, на что он ответил: «Эту чушь я уже прослушал!» Ей-богу, кажется мне, что между этим русским героем и генералом Казмо было что-то общее.

Потом, в знак дружбы, Айвен вытащил бутылку водки с красным перцем и одновременно включил в сеть странный прибор, именуемый в русском народе «кипятильник». С помощью этого прибора он за две минуты заварил крепчайший чай. Попытался разлить его по пластмассовым стаканчикам, стоявшим в ванной, но они почему-то обмякли и опустились бесформенными кусочками пластика на стол. Пришлось вытирать стол полотенцем и еще раз включать в сеть «кипятильник». Вторая заварка чая была более удачна – Айвен использовал вазу, выкинув из нее заботливо поставленные кем-то свежие розы.

Полчаса спустя мы оба были пьяны.

Пошли на набережную.

По дороге Айвен бросился на шею какому-то герою из африканской армии. Потом извинился. Сказал, что обознался. Наверное, в такой ситуации действительно легко обознаться.

Море немного штормило. Заунывно кричали чайки. На пристани висело объявление об отмене рейсов прогулочных катеров.

Айвен чуть не прослезился с досады.

– Я, – сказал он, – потратил полтора года, чтобы совершить подвиг и попасть сюда, а здесь из-за всякого пустяка отменяют рейсы прогулочных катеров!

– Полтора года?! – удивился я.

– Ну да! – подтвердил он. – У нас же это страшно сложно! Надо было записаться в очередь желающих совершить подвиг. Я был в этой очереди тысяча восемьдесят третьим. А у нас ведь совершение подвига или двух еще не делает тебя героем... Сначала надо написать рапорт командиру подразделения о твоём желании совершить подвиг, заполнить бланк в трех экземплярах с приблизительным описанием будущего подвига и если документы утвердят, тогда ты получаешь звание подгероя и все уже обязаны создавать тебе условия и возможности стать настоящим героем...

У меня не было слов, чтобы выразить свое отношение к этой странной русской системе.

– Так-то! – Айвен кивнул головой, осознав, должно быть, мое усилившееся уважение к нему.

Я был более чем поражен, но вскоре дар речи вернулся ко мне и наш дальнейший разговор был посвящен уже другому – возможной войне с военными силами инопланетян.

– Инопланетяне не пройдут! – под конец разговора твердо заверил меня Айвен, подняв кулак над головой.

Утром мой новый друг чувствовал себя неважно и на прогулку по городу я отправился в одиночестве. Без труда нашел вчерашнее кафе, но завтрак там не подавали. Вместо «балерины» за стойкой стояла женщина лет тридцати. Тоже симпатичная, но не настолько приветливая. Довольно безразличным голосом она объяснила мне, где можно позавтракать, и я направился в указанном направлении. Там, в более просторном кафе, увидел Вацлава и множество незнакомых ребят. Присел за свободный столик, и тут же мне принесли овсянку с изюмом, два гренка, вареное яйцо и стаканчик апельсинового сока. Господи! Должно быть, это единственное место на земле, побывав в котором можно понять, что такое РАЙ!

Уже допивая утренний кофе, заметил за одним из столиков вчерашнюю черноволосую девушку. Рядом с ней сидел генерал Казмо, но они не разговаривали. Потом она встала из-за стола и вышла, а генерал остался сидеть. Вид у него был довольно удрученный. Захотелось его утешить, и я, взяв еще одну чашечку кофе, подошел.

– Можно присесть? – вежливо поинтересовался я у генерала.

Он поднял на меня показавшийся мне усталым взгляд.

– Да, если ты честный солдат! – сказал он после короткой паузы.

Считая себя честным, я присел к нему за столик, и тут же на мои уши обрушился его громоподобный голос. Странно, что умные изобретатели ограничились изобретением глушителей только для оружия.

– Вы мне несомненно симпатичны! – неожиданно признался генерал. – И поэтому я исполню свое обещание, я расскажу вам то, о чем вы просили...

О чем я просил?! Ей-богу, не было этого! В лучшем случае генерал меня с кем-то перепутал, в худшем – у него явные признаки всех психических аномалий стареющего человеческого организма.

– Шел тысяча девятьсот седьмой год, – уже начал рассказывать он. – Как раз после моего славного участия в Балканской кампании я отдыхал у себя дома в Женеве и вдруг – телефонный звонок от принца Фердинанда из Сербии. Оказалось, пруссы захватили небольшую деревушку на востоке страны и арестовали всех ее жителей. Он спросил: могу ли я помочь? Он поинтересовался: соглашусь ли я командовать национально-освободительной армией? И что вы думаете? Конечно, я согласился! Не успел я собрать свой вещмешок, как раздался второй звонок. Звонил прусский канцлер. Он жаловался на сербов, захвативших у пруссов землю и быстро построивших там деревню. Канцлер сказал, что землю они отвоевали, но теперь сербы объявили всеобщую мобилизацию и предстоит серьезная война. Он спросил: соглашусь ли я помочь им? Конечно, я согласился! Просьба звучала искренне, претензии казались мне вполне справедливыми. Разве я мог отказать?! Конечно, мог! Но тогда надо было отказывать и сербам!

Слушая эту историю, я проникался все большим уважением к генералу и уже даже в мыслях не сетовал на его громкий голос и другие не столь приятные черты характера. Да, передо мной сидела воистину великая личность, и то, что эта личность и сама себя считала великой, придавало ей еще больше величия.

– Конечно, я понимал, что возникнут некоторые тактические трудности, – говорил генерал Казмо. – Но все эти люди боролись за справедливость, за свои исторические права... Я приказал построить мне командный пункт на верхушке холма, как раз посередине между позициями двух армий. Должен отметить, что командный пункт строили рука об руку прусские и сербские военные инженеры, и никакой взаимной ненависти у них я не заметил. Связисты

обеих армий наладили великолепную связь, так что я мог командовать обеими армиями не выходя из укрепления. В девятнадцать ноль-ноль я приказал храбрым пруссам начать подготовку к утренней атаке на нижний лагерь сербов. Атаку назначил на пять часов утра, но уже в половине второго ночи великолепно подготовленная сербская разведка донесла мне о том, что в пять утра пруссы собираются атаковать сербские позиции. Я приказал сербам тщательно подготовиться к прусской атаке, укрепить позиции, выставить четыре новые линии заграждений. Через час я получил от прусской разведки планы новых сербских укреплений. Время атаки приближалось, и меня охватил настоящий воинский азарт! Единственный раз в жизни я был так взволнован! Сколько было крови! Сербы и пруссы погибали тысячами, но погибали смело, героически, ведь обе стороны сражались за справедливость, каждый солдат умирал во имя своей славной родины. Битва продолжалась три дня. Обе армии были настолько упорными, армии были просто великолепны, и я не мог выбрать из них лучшую, более достойную победы, чем другая. Это было просто невозможно...

– И чем же это закончилось? – нетерпеливо спросил я.

– Закончилось? Закончилось, можно сказать, случайно. Сербский снаряд попал в склад динамита, расположенный в той деревушке, за которую в основном все и воевали. От деревушки ничего не осталось. Видно, поэтому пруссы и сербы и решили закончить битву. Оставшиеся в живых офицеры и солдаты пожали руки своим достойным противникам и все возвратились на свои позиции, а я – в Швейцарию. Я вернулся непобежденным! Да, это была настоящая битва!!! Потом уже меня наградили правительства обеих стран. От сербов я получил орден Серебряного орла, а от пруссов – Золотой крест за смелость...

Он замолчал и с удовлетворением наблюдал за застывшим выражением моего лица. Да, должен признаться, рассказ действительно произвел на меня неизгладимое впечатление. Оттаял я минуты через три.

Генерал был доволен собой.

Я заметил, что в кафе, кроме нас, никого больше нет.

За окном моросил дождь.

Донесся шепот падавшей с неба воды, и я почувствовал себя участником той битвы между сербами и пруссами. И даже дрожь прошла по моей спине, настолько реально представил я себя в грязных траншеях, пригибающегося, вынужденного в спешке перебежать, наступая на раненых и убитых бойцов... Онемела рука. Так со мной уже бывало на одном из фронтов...

– Эй! Кофе с водкой и «наполеон»! – проорал генерал в пустоту обезлюдевшего кафе.

– Секундочку! – ответил откуда-то из недр помещения писклявый женский голос.

– Спасибо за рассказ, – я поднялся из-за стола и кивнул головой, стараясь таким образом вежливо откланяться.

– Что за спешка?! – спросил генерал.

– Мне душно, пройдусь немного... – сказал я и, чувствуя, что мой уход не огорчит старика, развернулся и пошел к выходу.

Мокрые булыжные мостовые тусклопато поблескивали. На покрашенных стенах домов красовались подтеки воды. Слабый ветер сушил листья деревьев, стряхивая с них капли. Я шел не спеша. Шел к морю, как к самому близкому человеку, которому я мог сказать все, мог открыть свою душу и свои сомнения.

Набережная была пустынна. Море – спокойно. Волна, не выше комнатной собачонки ростом, мирно лизала песчаный берег. На расстоянии одной – двух миль от берега солнце, пробившись сквозь ослабевшие тучи, запускало в море свои лучи.

Я оглянулся на город, на две горы, поджимавшие его к морю. На вершинах обеих гор вовсю старался ветер, совершенно не ошутимый здесь – он перепихивал через каменные хребты облепченные после дождя тучи. «Давай-давай!» – подбодрил я его мысленно. – Нам здесь не нужен дождь».

А город, заметив отсутствие дождя, стал понемногу оживать. На улочках появились люди. Долетел до меня чей-то смех. Еще пару минут, и мое одиночество будет растворено в звуках шлепающих по мокрому булыжнику ног, в разноязыких разговорах, в пении птиц и криках чаек.

Солнечный луч вошел в самую середину города.

В другом конце набережной я увидел медленно идущую мне навстречу девушку с маленькой рыжей собачкой на поводке. Черные волосы собраны в косичку, торчащую вверх. Я уже видел ее. Видел дважды.

Я отошел от воды и тоже, выйдя на набережную, пошел не спеша ей навстречу. Мне показалось, она не будет против того, чтобы улыбнуться мне в ответ на мою улыбку. У нее овальное восточное лицо и глаза, форму которых называют миндальной.

До места нашей встречи оставалось метров двадцать, но в это время она свернула на улочку, карабкающуюся назад в верхний город.

Набережная вновь пустынна.

Город накрыт солнечным светом.

Я сел на все еще мокрую скамейку и закрыл глаза.

И вспомнил тот единственный случай, когда одна из войн закончилась при мне, буквально в моем присутствии. Было это в Южной Азии. Окопы, которые мы углубляли перед последней атакой противника, были наполовину заполнены грязной водой.

Между нами и противником было огромное поле практически без растительности. Уже два или три месяца шла позиционная война со слабыми попытками атак, вследствие чего на поле оставались лежать многие убитые и раненые. Ни тех, ни других не подбирали. Раненые иногда пытались поползти до своих, но «свои» не спешили им на помощь, и я не помню ни одного случая по нашу сторону окопов, чтобы хоть один раненый добрался. И вдруг неожиданно пришло известие о том, что война окончена. Никто, как я понял, в это не поверил, но тут все обратили внимание на окопы противника, точнее на то, что противники повылазили из окопов и, не боясь прицельного огня, ходили, курили, что-то кричали. Этого хватило солдатам, чтобы тоже вылезти из грязной жижи, в которой они просидели несколько месяцев, и размять затекшие, в язвах, ноги. Через некоторое время я услышал шум мотора, и тут же со стороны тыла подъехал танк, потом рядом с ним остановился грузовик с прицепом. В кузове грузовика сидели женщины, а на прицепе были навалены какие-то инструменты. Уже позже я понял, что на позиции привезли бригаду соседней сельхозфермы. Солдаты окружили женщин, смеясь, весело говорили о чем-то, а потом начали стаскивать с прицепа то, что оказалось глубокопочвенными плугами. Два из них прицепили к танку. На топливные баки танка забрались две девушки-крестьянки с корзинами, плетеными из рисовой соломы. Танк зарычал и тронулся с места. Плуги врывались на всю глубину ножей, и земля отваливалась на бок длинным отрезанным ломтем, а девушки, набирая пригоршни каких-то семян, бросали их уже в отверзшуюся твердь. Ошарашенный, я стоял, все еще сжимая в руке лопату – в той армии мне не доверили оружия, – но вдруг до моего сознания дошло, что сейчас распахивается то самое поле битвы, на котором лежат сотни погибших, а среди них, может, кто-то еще живой, жаждущий помощи. Я всмотрелся и не поверил своим глазам – танк ехал прямо, не стараясь объезжать лежащие у него на пути трупы. Все перепыхивалось, отрезанные ломти земли удобрялись кровью. Девушки, оставшиеся стоять у грузовика, запели песню. Солдаты ее подхватили. Я не ожидал услышать таких веселых голосов. А танк был уже на середине поля. Гул его двигателя заглушался песней. Со стороны окопов бывшего противника кто-то махал какой-то тряпкой, нацепленной на палку, – приветствовали танк?!

Ко мне подошел низкорослый офицер, со спины – мальчишка лет тринадцати. Похлопал по плечу, жестом предложил подойти к краю поля. Потом наклонился, взял в ладонь кусок черной жирной земли, размял ее, понюхал и с видимым удовольствием показал мне. Потом

аккуратно опустил земляную грудку на место и сделал широкий жест рукой, показывая, должно быть, что я – свободен.

Танк теперь ехал навстречу. Солдаты сбросили гимнастерки и возились с другим прицепным плугом.

У грузовика остановились еще два танка.

Мне страшно захотелось побриться: моя беспорядочная борода раздражала кожу. Сияло солнце. В небе кружила большая птица. Кружила над полем. Я смотрел на эту птицу и старался обо всем забыть.

Но, как назло, тяжелые многослойные воспоминания опускались передо мной, и не было в этих воспоминаниях ничего хорошего, ничего радостного.

Промелькнуло еще одно поле битвы, виденное мною на Ближнем Востоке. Память навязывала мне сравнения.

На том поле среди десятков убитых мы искали по фотографии одного человека. Я не знаю, зачем палестинцам так нужен был его труп.

И еще я только что заметил, что постоянно в моем сознании, в воспоминаниях, я сам фигурирую как часть какого-то «мы». Но ведь не был я никогда добровольно такой частью. Я всегда хотел оставаться единицей.

А над полем уже кружилось несколько больших птиц. И три танка, тужась, резали землю.

«Может быть, они правы», – подумал я и пошел в ту сторону, где, по моим расчетам, должно было садиться солнце.

Стало жарко и, открыв глаза, я сразу сощурил их, а потом, приложив ладонь козырьком, осмотрелся.

Набережная, проснувшаяся раньше меня, ожившая от мельтешения разноцветных одежд, текла, звучала, смеялась, заглушала примолкшее море.

Что-то изменилось. Вместо спортивных костюмов на многих молодых людях были обычные парусиновые брюки, джинсы, тенниски. Может, я проснулся в другом сне, в другом городе?!

– Братишка! – донесся до моих ушей знакомый голос, и тут же рядом на скамейку опустился Айвен. – А я думаю, куда ты пропал?! Тут такие новости! Либерализация правил поведения!

– В смысле спортивных костюмов?! – спросил я.

– Ага! Так что иди переодевайся! У тебя есть во что?

– Кажется, нет, – ответил я, припоминая.

– Ну пойдем, я тебе подарю! – Айвен вскочил и буквально осветил меня улыбкой.

Уже в гостиничном номере, разложив свои вещи на кровати, мой сосед, поразмыслив недолго, вручил мне вельветовые брюки и футболку с символикой Московской Олимпиады.

Я переоделся и действительно почувствовал себя несколько свободнее. Дело в том, что спортивная форма, как ни крути, все-таки остается формой, чем-то обязательным к ношению, а обычные брюки, пусть они даже на два размера больше и поэтому затянуты ремнем, освобождают не только тело. Поблагодарив Айвена, я поинтересовался причинами либерализации.

– Это очень просто, – Айвен отвлекся от укладывания своих вещей в сумку. – Сюда собирается Генеральный секретарь ООН, а к приездам генеральных секретарей всегда все улучшают, подкрашивают, добавляют демократии... Это не значит, что после его отъезда нас снова не заставят выглядеть спортсменами!

– Не думаю! – Я не разделял опасений Айвена. – Здесь все-таки не совсем обычное место...

С последней моей мыслью Айвен согласился, и на этом наш разговор окончился.

Я вновь спускался к морю и чувствовал себя другим человеком. Просто невероятно, сколько ступеней у ощущения свободы! Приехав в этот город, я считал себя самым счастливым

человеком, но из-за какой-то мелочи, из-за каких-то брюк и футболки с блеклым рисунком и невразумительной кириллицей, неожиданно понял, что стал я еще счастливее! А ведь для меня уже несколько лет слова СЧАСТЬЕ и СВОБОДА означали одно и то же.

Солнце то пряталось за туманной пленкой полупрозрачных облаков, то выглядывало и наблюдало за тихой и медленной жизнью этого города, который я так хотел назвать своим, или по крайней мере – нашим. Но, будучи реалистом, я понимал, что любой ограниченный срок когда-нибудь истекает, и постучит однажды в дверь моей комнаты вежливый портье, зайдет, поздоровается и скажет, что внизу меня ждет машина, а также все мое военное обмундирование, бережно хранившееся в камере хранения на протяжении всего отпуска.

Вниз проехал джип, перекрашенный из хаки в грязно-голубой цвет. За рулем сидел парень в панаме.

Я позавидовал ему. Мне тоже захотелось прокатиться на таком джипе по набережной. И чтобы слева от меня сидела девушка с черными как смоль волосами, а за спиной лаяла ее собачонка.

Дойдя до кафе, в котором я впервые услышал генерала Казмо и увидел первую забавно-симпатичную девушку, прозванную мной «балериной» за свою кокетливо-быструю походку, я зашел внутрь и присел за тот же столик лицом к улице. Между мной и улицей была лишь стеклянная стенка. «Кто так хорошо моет стекла?» – подумал я, удивившись прозрачности стенки и доступности улицы моим глазам.

– Не желаете ли чего-нибудь? – пропел из-за спины знакомый голосок.

Я мог не оборачиваться – это была она. И тут же я понял, что в тот раз обратил внимание лишь на ее походку, а теперь, как результат, не мог вспомнить ни лица, ни глаз. Я обернулся.

Мягкий овал прелестного личика, зеленые глаза, русые волосы. В музеях такие лица смотрят на людей с древних камней. Это словно знак вечности. Какой ужасной ни была бы эпоха, всегда появляются эти зеленые глаза, и когда ты в них смотришь – не возникает больше тяжелых раздумий и переживаний об очередной пропасти, вырытой для себя безумным человечеством.

– Может быть, кофе и взбитые сливки? – чуть растерянно предложила она, не дождав-шись моего ответа.

– Может... – повторил я, все еще думая о ее глазах.

А потом, спохватившись, чтобы не дать ей так быстро уйти, я продолжил:

– Может... два кофе и сливки для двоих...

– Хорошо, – она кивнула.

Тишина этого кафе дала мне возможность вслушаться в звук ее шагов. Тишина была магической. В ней ощущалась такая скрытая сила, что, будь мой стул без спинки, я бы мог спокойно откинуться назад и прилечь спиной к этой тишине.

Ее шаги донеслись до моего слуха и я, не оборачиваясь, чувствовал ее приближение, пока она не остановилась сбоку от меня, опуская на стол две чашечки кофе и два широких бокала со взбитыми сливками.

Я отодвинул одну чашечку и бокал чуть в сторону. Я хотел, чтобы она присела.

– Вы кого-то ждете? – спросила «балерина».

Я чуть было не сказал «вас». Это было бы до крайности глупо и банально.

– Да, – ответил я. – Но мне кажется, что мой друг опаздывает. Может быть, вы пока посидите со мной? Мне очень одиноко.

Она охотно опустила на стул.

– В этом городе все себя чувствуют одиноко, – сказала она.

– Пожалуйста, пейте кофе! – предложил я.

– Хорошо, – произнесла она, и я заметил, что голос ее изменился, как только она присела за стол. – А когда придет ваш друг, вы закажете официантке еще одну чашечку...

– Да, – согласился я.

«Балерина» улыбнулась. И даже улыбка в этот момент у нее была другая.

– У вас, должно быть, очень необычное имя? – обратился я к ней.

Ее взгляд коснулся моих глаз. Сразу показалось, что в кафе стало жарко.

– Нет, – сказала она. – Совсем обычное – Ирина.

– Русское?!

– Нет, – она покачала головой. – Имя не может принадлежать одной нации.

Интересно, а я всегда полагал, что лишь очень умные мужчины и самые красивые женщины являются достоянием всего человечества, а не какой-либо нации. Может, действительно красивые имена тоже входят в этот список?

– Вы можете со мной не соглашаться! – произнесла Ирина.

– Нет, я очень хочу согласиться с вами, – я смотрел ей в лицо и привыкал к ее взгляду.

Взгляд ее зеленых глаз в какие-то моменты становился очень твердым и сильным, выдерживать его было нелегко, особенно если в нем не светились искорки улыбки.

Мы разговаривали. Моя рука время от времени машинально двигала по поверхности столика пустую кофейную чашечку на блюде. Ее пальцы иногда дотрагивались до ножки широкого бокала, тоже пустого, со следами съеденных взбитых сливок и без следов губной помады. Почему я обратил на это внимание? Наверное, в детстве моем в Америке я видел в разных бистро и кафе множество чашечек и стаканов с этими красными отпечатками и это всегда заставляло меня с опаской и настороженностью относиться к слабому полу. В тот момент я поймал себя на радостном чувстве облегчения, оттого что Ирина не оставляла красный след на краешке бокала. Не все можно объяснить, особенно если оно связано с детством и тогдашним восприятием красочного мира, который имеет привычку становиться тусклее с прожитыми смотрящим человеком годами.

– Я чувствовала, что мы больше с ним не увидимся, – рассказывала Ирина историю своей жизни. – Хотя он так обещал вернуться... Он наверняка делал все, что мог, но я почти уверена, что среди живых его больше нет...

Я, кажется, даже не заметил, как наша беседа стала настолько доверительной и искренней. Теперь я знал об Ирине много крат больше, чем она знала обо мне. Вероятно потому, что она долго молчала и никто не предлагал ей выговориться. Ее пребывание в городе не было случайным. Сюда она приехала вслед за своим героем, и те двадцать дней, которые они провели вместе, стоили, по ее рассказам, двух жизней, прожитых врозь. Но потом он возвратился в свою армию, пообещав как можно скорее вернуться в город. Ирина осталась его ждать, добровольно взяв на себя этот труд в кафе. Потом она слышала, что армия, в которой служил ее Кристоф, попала в окружение и многие погибли. И то, что уже несколько месяцев в город не прибывали на отдых герои из этой армии, подтверждало наихудшие опасения. Я не почувствовал по ее рассказу, что она до сих пор ждет Кристофа. Но поняв, как сильно она ждала его, я позавидовал парню, несмотря на то, что его, может быть, уже нет на этой земле.

– Я сварю еще кофе, – поднявшись, сказала она и уже совсем другой, свободной походкой пошла в глубь пустынного кафе.

Я сидел за столиком, пытаюсь понять, почему человек так быстро может изменить в себе почти все: и голос, и взгляд, и походку. Должно быть, та походка, за которую я прозвал девушку из кафе «балериной», принадлежала официантке, а присев за мой столик, девушка сразу стала Ириной и, как я потом узнал, Ирина говорила другим голосом и с другими интонациями, она была другим человеком, человеком, который, наверное, понравился мне даже больше «балерины», но, если, думая о «балерине», я не становился задумчивым и серьезным – во мне возникала легкость свободной жизни, и с этой легкостью я хотел увлечь в свободное паренье над этим миром чувств и ощущений симпатичную легконравную девчущку, то уже думая о Ирине,

я понимал, насколько я тяжелее воздуха и слабее ветров, которые могли бы подчиниться ее зеленоглазому взгляду.

– Ну вот, – она поставила чашечки на стол и присела. – А твой друг так и не пришел?

Она сказала «твой»! Это меня больше чем поразило. Но, с другой стороны, я знал теперь о ее жизни столько, сколько может знать о ней лишь человек, с которым она давно на «ты». И это тоже надо принять спокойно. Здесь неуместны ни американская эмоциональность, ни северная сдержанность, ни восточная слащавая улыбочивость, за которой, как позади восточных базаров, кроется лишь сыпучий песок.

– Может, мы что-то перепутали! – допустил я, не желая признаться в том, что упоминание о друге было простым детским обманом.

И вдруг в кафе вошел Вацлав. Увидев нас, он прямым направился к столику.

Ирина вспорхнула со стула и застыла.

– Кофе и что-нибудь еще! – заказал, садясь на только что освобожденный стул, мой друг.

Ирина кивнула и легко, той самой балетной походкой, удалилась.

Я смотрел на Вацлава и едва сдерживал себя от того, чтобы не сказать ему какую-нибудь гадость. До чего все-таки хорошо уметь себя хотя бы иногда сдерживать.

– Привет, старина! – радостно воскликнул Вацлав, уставившись мне в глаза. – Ты, кажется, в полете?

Я кивнул.

По улице за стенкой кафе прошли люди, и это как бы разбудило меня, возвратило на землю.

В кафе зашла тройка мужчин, среди них был портье моего отеля. Он приветливо кивнул мне. Уселись они в противоположном углу зала.

«Балерина» принесла Вацлаву кофе с пирожным и упорхнула к новым посетителям.

– Ты чего погрустнел? – спросил Вацлав удивленно.

Я посмотрел на него, дружелюбно улыбаясь. Все-таки он неплохой парень. Простой и незлобивый, желающий всем добра. О чем он спросил меня? А, он спросил: «Ты погрустнел?»

Я кивнул.

Он посмотрел на меня немного озадаченно. Вероятно, я опоздал с кивком. Ладно.

В кафе мы просидели еще с полчаса. За это время посетителей прибавилось. «Балерина» порхала между столиками. Она была уже совершенно не похожа на ту Ирину, с которой я познакомился. Один раз за это время она подошла и к нам, но мы больше ничего не заказывали, а вскоре после этого вышли на улицу и пошли вверх, туда, где, как я узнал, находилось старинное мусульманское кладбище. Чтобы добраться до него, следовало подняться на самую вершину одного предгорья, но погода благоприятствовала нам – безоблачное небо успокаивало глаза, а солнце грело умеренно, не стараясь выжечь траву или ослепить всех, глядящих вверх.

Уже покидая верхнюю часть города, я обратил внимание на двухэтажный особняк с широкой террасой, с которой, должно быть, можно было видеть все, что происходит на море, на набережной или в городе. На террасе по углам стояли деревянные кадки с невысокими пальмами, а посередине за ярко-красным столом сидел мужчина в халате. Он сидел спиной к нам и что-то писал.

– Похоже, что здесь есть и постоянные жители! – сказал я.

– Есть, – кивнул Вацлав. – Я бы и сам здесь поселился...

Эта мысль приходила и ко мне. Приходила не раз, и я думаю, что каждый нормальный парень, из тех, кто здесь в отпуске, если только он не круглый патриот какой-нибудь армии, пускай хотя бы раз, но задумывался об этом.

– Ты только не говори никому, – Вацлав перешел на таинственный полупшепот, – но здесь есть ребята, которые серьезно об этом думают...

Вот это уже было новостью.

– И как же они об этом думают?! – поинтересовался я.

– Если тебе это действительно интересно, – запоминай дорогу на мусульманское кладбище. Завтра к семи вечера придешь туда и все узнаешь.

Дальше мы шли молча по узкой извилистой тропинке, которой, казалось, было уже столько лет, сколько лет существовал этот город. Вацлав шел впереди, время от времени оборачиваясь и заботливо произнося «Здесь осторожнее!» или «Не споткнись!»

Как ни странно, но в это время я не думал о будущей встрече с желающими остаться в городе навсегда. Гораздо больше занимала меня мысль о живших здесь в давние времена мусульманах, и даже не о них самих, а о том, как им удавалось перенести покойника из города на кладбище по этой совершенно непредсказуемой тропинке. Пожалуй, такая похоронная процессия могла бы достичь цели только в том случае, если бы сам покойник глядел под ноги несущим гроб, предупреждая их о каждом последующем шаге.

Мои размышления внезапно прервал Вацлав.

– Пришли! – сказал он, и только тогда я оторвал свой взгляд от тропинки и заметил, что мы на самом деле достигли вершины этого предгорья.

Перед нами на довольно небольшом пространстве из земли поднимались позеленевшие камни. На ближайшем ко мне таком камне я разобрал арабскую вязь. Этот камень лежал, едва отрываясь своей верхушкой от бедной, слегка покрытой слабосильными травинками поверхности земли.

Я подошел к другому могильному камню. Наклонился. Разглядел глубоко врезанный в камень орнамент.

– Ты лучше вниз посмотри! – сказал мне Вацлав.

Я обернулся.

Сделал глубокий вдох – и ощущение необъяснимой гордости заполнило меня. Я стоял над морем, над городом, над всеми, кто бродил сейчас по улицам или же сидел по своим номерам. Я стоял и с высоты мертвых строителей этого города смотрел вниз, на жизнь, временной частицей которой я сам был.

А внизу, на песчаном пляже, загорали люди. Кто-то купался, кто-то плавал на доске с парусом, но ветер был слабый и этот кто-то то и дело соскальзывал в воду, а потом снова и снова вскарабкивался на доску. Жизнь мирного города была, без сомнения, райской.

Жизнь мирного города звала вниз, и возникшая внезапно боязнь потери, боязнь того, что, выйдя из города, я никогда не смогу в него вернуться, чуть ли не заставила меня раскинуть руки и, закрыв глаза, прыгнуть вниз. Господи, я даже не думал, что за эти несколько дней я научусь так дорожить миром, я смогу так оттаять, что в случае приближений новых военных холодов, замораживающих все человеческие чувства, скорее всего предпочту обычную смерть холодному металлу разрушения.

– Я однажды побывал в похожем месте, – произнес Вацлав, и в голосе его прозвучала грусть, тоска по прошлому. – Мы с родителями ездили тогда в Крым, туда, где долго жил Адам Мицкевич. И вот, потратив часа два или три, мы поднялись на вершину Ай-Петри. И я, помню, не хотел спускаться вниз. Я думал: ну как же так, ведь я с таким трудом поднялся на эту высоту и теперь – вниз?! Мой отец торопился, он хотел успеть забежать в винный погребок, прежде чем тот закроется, а мать меня понимала. Она отправила отца вниз одного и осталась еще на час со мной на этой вершине, и я был ей очень благодарен. Ты понимаешь, я был, кроме всего прочего, разочарован в отце, я не мог понять, почему он так спешил вниз, но потом, уже годы спустя, когда он окончательно спился, не то чтобы ко мне пришло прозрение, но я просто понял, что людей можно различать по направлению их стремлений. Мой отец всегда стремился вниз, и даже, когда уже не поднимался с постели, он говорил мне: «Не сердись на меня, мне не надо было иметь семью, ведь всю жизнь я ожидал смерти и поэтому спешил выпить, чтобы можно было подумать о чем-нибудь другом или помечтать». Он сказал тогда, что мечтать так

и не научился. А мать была терпеливой женщиной. Она дождалась, пока я проголодался, и пошли вниз мы только после того, как этого захотел я. Мне было стыдно и всю дорогу с горы я промолчал...

Слушая Вацлава, я пытался вспомнить что-нибудь из своего детства, но, увы, город, отвлекавший мой взгляд, отвлекал и мои мысли, и я хотел идти вниз совсем не из-за того, что проголодался, и не из-за желания выпить, я просто хотел вернуться назад и успокоиться, обнаружив, что город меня снова принял и он нисколько не обижен на меня за то, что я ненадолго покидал его. Не знаю, может, это мое желание заставило Вацлава прийти к выводу, что я – человек, стремящийся вниз? Не знаю...

Но, вопреки моему желанию, спускались мы медленно. Тропа не позволяла спешить. Мы ее видели только на два шага вперед, потом она уходила то вправо, то влево, то ныряла под какой-нибудь нависающий над городом камень, и мы послушно следовали за ней.

Вскоре я снова увидел тот двухэтажный особняк с широкой террасой. Красный пластмассовый стол был сдвинут к одной из кадок с пальмой, а в центре террасы теперь стоял шезлонг и в нем загорала девушка. Я чуть не покатился вниз из-за этой девушки. Хорошо, что Вацлав, заметив, что я «пытаюсь» сойти с тропы, вовремя ухватил меня за руку. В шезлонге загорала девушка с черными как смоль волосами. Рядом, свернувшись в клубок, лежала ее рыжая собачка. Девушка была обнаженной, но воздух над террасой, как и над всем городом, плавился на солнце и мешал ее рассмотреть.

– Здесь осторожнее! – ворвался в мое сознание обеспокоенный голос Вацлава. – Ты что, хочешь, чтобы я один вниз вернулся?!

Я с трудом оторвал взгляд от террасы красивого особняка.

Силы воли мне хватило, чтобы, глядя только себе под ноги, дойти до истока первой верхней улочки, упирившейся своими булыжниками в гладкую скалу. Как только мы ступили на нее, я все-таки снова обернулся на тот особняк, но террасы уже не увидел. Над крышей какого-то другого дома едва возвышалась одна из пальмочек, а за ней – занавешенные окна верхнего этажа.

В городе было невыносимо жарко.

– Хочу мороженого! – твердо, словно требуя хлеба, произнес мой друг.

А я посмотрел вверх, туда, откуда мы спустились. Древнее кладбище разглядеть отсюда было невозможно. Обычная вершина обычного предгорья. Трудно было бы даже представить себе, что там есть небольшая пологая площадка и что на ней растет какая-то трава. И стоят, полулежат и просто опрокинуты навзничь надгробные камни со словами, которые древнее доброй половины нынешних великих государств.

– Пойдем к твоей подружке в кафе! – скомандовал Вацлав.

Первые шаги я сделал, все еще глядя вверх. И наткнулся на Вацлава, который посмотрел на меня, довольно странно прищурившись.

– Высокогорная болезнь? – иронично спросил он. – Или так понравилась собачка загоравшей на террасе хозяйки?

Я пожал плечами.

В кафе было много людей, но Ирины не было. Вместо нее разносила кофе уже знакомая мне равнодушная дама лет тридцати. Мы с Вацлавом переглянулись и молча вышли на улицу. Потопали вниз, к набережной.

Прошли мимо небольшой спортивной площадки, на которой герои армий Ирака и Ирана играли в волейбол. Я позавидовал им: они, казалось, вообще никогда ни о чем не думают и не беспокоятся. Мне бы такого Аллаха!

– Эй!!! – прокричал нам в спину кто-то.

Я оглянулся первым и увидел машущего рукой со спортивной площадки Айвена. Как это я только не заметил его среди арабов?

– Вы где пропадаете? – спросил он. Остальные игроки терпеливо ждали, опустив мяч на землю.

Вацлав показал рукой на горы.

Айвен понимающе кивнул и прокричал: «До завтра!»

На следующий день, когда спала полуденная жара, я карабкался в одиночку по уже знакомой тропинке. На ходу я задумывался о том, что влекло меня вверх: желание узнать о возможной пожизненной свободе, связанной с превращением в жителя этого города? Желание ли снова смотреть вниз и набирать полные легкие охлажденного и богато сдобренного кислородом горного воздуха? Или же желание остановиться на полпути, чтобы оглянуться на террасу красивого особняка, возвышающегося над городом, над морем и, как казалось, даже надо мной. Это может показаться смешным, но я словно ощущал внутри себя присутствие вымуштрованного солдата, для которого именно в этом доме располагался штаб и который постоянно находился в ожидании приказа, в страстном ожидании приказа. И не поступи этот приказ – солдат потеряет себя, почувствует себя ненужным и растворится; я не знаю, как растворится, в воздухе ли, в море, но я предчувствую, что с ним случится что-то ужасное, что-то изымающее его из этой жизни и превращающее его в пустоту. И было мне стыдно и за себя, и за этого солдата, вдруг проснувшегося во мне, в человеке, настоящее воинское звание которого – дезертир, а любимый флаг – белый. Было стыдно, но этот стыд не давил на совесть, не заставлял замедлить шаг, и я сам удивился той легкости, с которой я пробирался вверх по извилистой своенравной тропе. Вот уже появилась терраса, но за красным столом, стоящим посередине, опять спиной ко мне сидит мужчина и что-то пишет. Кто он? Кто она, та, которой сейчас здесь нет? Где она? Наверное, не спеша идет вдоль набережной со своей собачкой. Боже мой, какая классика! Дама с собачкой! Лик вечности, миндальные глаза, тонкие черты балерины прошлого века! Что за наваждение: я никогда не любил балет, но здесь словно больше не с чем сравнивать походки и лица... Легкость, грация, Греция... и балет... Будь проклят этот человек, пишущий что-то, сидящий ко мне спиной! Я никогда не видел его лица, да и не хочу. Он мне не нужен, он мне больше чем не нужен. Я боюсь, что именно он окажется препятствием даже для воображаемого мною знакомства с девушкой, которая умеет так быстро и легко растворяться в перламутровом горячем воздухе этого города. Я не желаю этому человеку добра. И тут же сам на себя злюсь за это глупое чувство, за эту первобытную ревность, на которую я ни права, ни ума не имею. Господи, я закрою глаза, а ты выведи меня наверх, к древнему кладбищу, где у меня возникнет воистину нормальный выбор: смотреть вниз или слушать тех, кто придет туда.

Я не закрыл глаза. Потому что не почувствовал руки Господа. Я сам смотрел себе под ноги и так поднимался, пока не остановился, увидев перед собой надгробия в страдальческих позах.

На старинном мусульманском кладбище пока никого нет. Здесь тихо и только звонко жужжат цикады, звонко, но не громко. Они словно стараются украсить тишину. Медленный ветер, поднимаясь от моря, несет с собой солоноватый привкус. Я дышу этим ветром, и вот уже приятная соленость ощущается на языке. Солнце сегодня добрее обычного. Может быть, потому, что время склоняется к вечеру и инерция солнечной энергии уже слаба, а лучи охлаждены медленным ветром, несущим распыленное в воздухе море.

Как, должно быть, дико для этих камней чувствовать, если они могут, присутствие человека в мешковатой футболке, на которой изображены пять колец и что-то написано. Как, должно быть, удручающе для них, посланцев вечности, несущих на себе арабские «вязаные» слова, видеть здесь меня, живого, несущего на себе «кириллицу» чуждой страны, кириллицу, не имеющую здесь никакого значения и смысла. Я готов извиниться перед ними за то, что я здесь, за то, что я живой и еще не стал таким вот камнем, которому перейдет в наследство мое имя, чтобы понес он это имя через века, в иллюзорную «вечную память» незнакомым и не нуждающимся в памяти обо мне потомкам. Я готов извиниться, я даже готов стать на колени,

но этот жест уже более относится к городу. Это перед ним я готов стать на колени и поблагодарить его за все, что он сделал для меня, и попросить его не прогонять меня, оставить меня здесь навечно, и даже пообещать ему, что никогда более не покину я его пределов, и даже на эту гору больше не заберусь, и, плавая в море, буду держаться, пусть ногами, но за берег, за дно, чтобы не смогли никакие подводные течения увлечь меня от этого города, от набережной, от известняковых стенок домиков, чтобы не смогли они избавить город от меня, а меня от жизни.

Но возникают в цикадной тишине шаги карабкающегося вверх по тропе человека, и с этими шагами вторгается в атмосферу кладбища что-то чужое, и нет больше у меня желания ни извиняться, ни становиться на колени. Я смотрю на краешек, из-за которого вот-вот поднимется чье-то лицо, я жду с нетерпением, и нетерпение мое не может не быть вознаграждено.

Над краешком горы поднимается пилотка цвета хаки, а вслед за ней лицо: голубые глаза, русые волосы, толстые губы.

– Здравствуй! – говорит мне Айвен, и я киваю ему в ответ.

– Еще никого нет? – он удивленно смотрит по сторонам, и я отрицательно мотаю головой в подтверждение его слов.

– Ты давно здесь? – спрашивает он, возвратив свой взгляд на меня.

– Да, – говорю я и чувствую кожей, как ослабевает солнечное тепло, лившееся сверху.

– Ну ничего! – произносит серьезно Айвен. – Сейчас придут.

Я молча соглашаюсь.

– А я рад, что ты с нами! – вдруг улыбается он.

Потом подходит к другому краю и с высоты вершины этого предгорья смотрит вниз на город. Его профиль становится гордым и словно просится на медаль. Интересно, у всех ли смотрящих вниз с высоты возникает это ощущение своего превосходства, блаженства и предвкушения величественного полета, которому никогда не дано состояться. Точно так же стоял и я недавно на этом же месте, над этим же городом.

Они пришли чуть позже, дав Айвену гордо постоять на краю еще минут пятнадцать. Среди пришедших был Вацлав и еще человек пять, не знакомых мне. Вид у них был бравадный. Один, так же, как и Айвен своей пилоткой, демонстративно нарушал правила поведения в городе маленькой бронзовой медалью, прицепленной к полосатому летнему пиджаку.

Разговор шел решительный, и я понял, что события, о которых говорили собравшиеся, очень скоро станут явью.

– И только один вопрос остается нерешенным! – уже к концу разговора произнес Айвен. Встретив вопросительные взгляды, он сглотнул слюну и сказал:

– Нам нужен вождь. Вождь, которому все мы смогли бы доверить вести нас к выбранной цели...

Прошла минута задумчивого молчания, потом вторая, третья...

Не дождавшись ответа, Айвен предложил:

– Я думаю, генерал Казмо нас устроил бы в этой роли?

Вацлав кивнул, остальные – вслед за ним. И я тоже.

– Я надеюсь, что это будет бескровная революция?! – произнес один из парней, коренастый, одетый в парусиновый костюм голубого цвета.

– Я тоже надеюсь, – вздохнул Айвен, но в словах его и не было уверенности.

– Господь нам поможет... – негромко сказал Вацлав.

– Я сам поговорю с генералом! – пообещал Айвен. – Но сначала нам следует обсудить будущее вольного города.

– Надо посмотреть по каким принципам живет Западный Берлин, – предложил я.

Со мной согласились, но неожиданно выяснилось, что немцев среди нас нет и, следовательно, выяснить эти принципы оказалось делом невозможным.

– Тогда мы сами должны все выработать. Итак, предлагаю всем, кто хочет войти в будущее правительство, остаться еще на пару часов здесь. Остальные могут вернуться в город.

Было очевидно, что в город возвращаться пока никто не спешил. Я смотрел на это будущее правительство и ни о чем не думал. Я просто разглядывал лица, руки, жесты, глаза. Никогда мне еще до этого не представлялось возможности быть так близко к правительству, пусть не к нынешнему, но уж точно к будущему. Но вот пришедшее откуда-то снизу беспокойство заставило задуматься, и я, отойдя от правительства на несколько шагов, почувствовал себя свободнее. Я понял, что не хочу быть ни министром, ни политическим деятелем. Мне нравится просто быть, жить в городе, рядом с этими ребятами. И, конечно, полностью одобряя их цели, я сделаю все, что в моих силах, чтобы город стал вольным, а я стал его свободным гражданином. Я, наверно, даже не буду против взять в руки оружие, чтобы эта цель осуществилась, взять ненадолго, но с осознанием своей частицы ответственности за будущее.

Оставив будущее правительство наверху, я спускался в город. Идти было легко. Я, казалось, уже знал на память все коварные повороты тропинки, и знал небольшой выступ, с которого можно было взглянуть на террасу красивого особняка. Именно с этого выступа я и посмотрел туда. Но терраса была пуста. Видно было, как ветерок шевелит широкими листьями расставленных по краям террасы пальм.

Южный вечер, освобожденный солнцем, ушедшим за вершину горы, вступал в свои права. И хоть солнце напоследок еще освещало морской горизонт, но чайки уже молчали, не спеша прогуливаясь по берегу вдоль спокойно дышащей воды. Штиль, наступивший внезапно, создавал такое ощущение уюта, какое возможно лишь на холстах художников европейского ренессанса.

Спускаясь к морю, я встретил Ирину и предложил ей прогуляться.

Она охотно согласилась, взяла меня под руку, и мы пошли к набережной.

Южные сумерки зажгли лампы на красивых литых столбах, и набережная вознеслась над темною водою моря.

Говорить не хотелось. Не то чтобы не хотелось говорить именно с Ириной, но просто звуки города, его дыхание были настолько тихими...

Но Ирина заговорила первой.

– Ты знаешь, там, на горе, сегодня решается наше будущее, – сказала она доверительно.

«Наше будущее?» – мысленно повторил я вслед за ней. Я снова был удивлен тем, как легко она произнесла «наше». Но, впрочем, может, она имела в виду совсем не то, о чем я подумал. Может, «наше» – это будущее жителей этого города? Да ведь действительно, как кто-то на горе может решать мое и ее будущее?

На небе проклюнулись первые яркие звезды.

Откуда-то сверху донеслась музыка. Захлебывающийся ударник. Где-то там, недалеко от гостиницы, работала дискотека.

«Герои любят танцевать», – подумал я.

– А что ты будешь делать, если все получится и ты станешь постоянным жителем? – спросила Ирина.

– Буду жить... – улыбнулся я.

– Да, но что ты будешь делать?

– Кем я буду работать?

– Да.

– У меня нет профессии, – признался я. – Но, конечно, научусь чему-нибудь. Начну, может быть, с официанта или дворника, а там...

– Ну, это хорошо, что ты готов к худшему... – произнесла она.

– Это худшее?! – я не поверил своим ушам.

– А ты что, сомневаешься в нашей победе?

По своему опыту я знал, как опасно сомневаться в «наших победах».

– Нет, не сомневаюсь! – уверил я Ирину.

И мы снова замолчали, слушая собственные шаги, и далекое диско, и шаги людей, проходящих мимо.

Тот вечер окончился в моем гостиничном номере, куда мы с Ириной пришли около полуночи.

Поднимаясь вверх, я думал: «Лишь бы Айвена не оказалось в номере!»

И действительно, его не было.

– Зайди ко мне завтра, я дам тебе ширмочку! – сказала Ирина, присев на мою кровать. – И выключи свет!

Во вновь наступившей темноте я обнял ее, я прижался к ней что было сил. Я не хотел ее отпускать.

– У нас пыльные одежды, – прошептала она. – В городе было очень жарко.

Я ослабил объятия, и Ирина стащила с меня мою смешную футболку.

Мы не спали всю ночь. Айвен так и не пришел.

Я каждый час вспоминал ее слова о «нашем будущем» и уже позволял себе придумывать более приятные для меня значения этого словосочетания.

– Как ты думаешь, он жив? – посреди ночи, после долгого молчания вдруг спросила она.

Я подумал о нем.

Я хотел бы, чтобы он оказался жив. Но тогда «наше будущее» снова меняло смысл. Я хотел бы ее утешить, но тогда она еще больше будет думать о нем. А ведь я не знал, что она все еще думает о нем. А может, она была права и он уже давно числится в списках погибших или пропавших без вести. Но если я скажу ей: «Думаю, что он мертв», это только укрепит ее память...

– Не знаю... – прошептал я.

Утром, уже после рассвета, я заснул, а когда проснулся – Ирины не было. На своей кровати, лежа одетым поверх одеяла, храпел Айвен.

Я встал, стараясь не разбудить его. Оделся и уже подходил к двери.

– Подожди! – окликнул меня сонный голос соседа.

Я оглянулся.

Опухший от недосыпа Айвен присел на своей кровати, протер глаза. Потом снова глянул на меня.

– Ты знаешь, мы всю ночь проторчали там, – и он повел подбородком вверх. – Оказалось, это не так просто – организовать правительство... Но самое сложное позади. Завтра будет готов герб – один венгр, Тиберий, он был вчера там, умеет немного рисовать... А тебя я хотел попросить о... Ты в музыке разбираешься?

– Ну, в общем, на флейте играю и на фортепиано немного. В детстве учили...

– Значит, я не ошибся. Попробуй написать гимн. Такой, чтоб всем понравился... ВСЕМ, понимаешь, и русским, и палестинцам, и израильтянам...

– Ну?! – промычал я, пытаюсь понять, как же это возможно сделать гимн, который объединит ВСЕХ этих героев.

Айвен вздохнул, пристально посмотрел на меня.

– Что, непонятно? – спросил он.

– Что-нибудь космополитическое?

– Я же тебе об этом и говорю!

Я действительно, хоть и был на ногах, еще спал, а мозг мой – тем более.

– Хорошо, – пообещал я, наконец поняв, чего от меня хочет Айвен.

– Ну пока! – выдохнул он удовлетворенно и снова рухнул на кровать – видно, здорово утомился, решая проблемы будущего.

Я вышел на улицу.

«До чего интересны эти русские! – думал я, шлепая по булыжнику мостовой мимо низеньких домиков. – Такая нация менеджеров, почему мир еще не подумал о том, как бы более мирно использовать их талант?»

А солнце опять светило, нагревая город.

Навстречу мне прошли несколько героев из арабских армий. Они несли какие-то коробки, довольно тяжелые. Но лица их светились счастьем. Может, и они готовились к превращению в постоянных жителей этого города. Как бы там ни было, но мне показалось, что один из них даже кивнул мне, улыбнувшись сладко, во весь рот. Такого со мной еще не бывало. Ведь я не был знаком с ними, а сами они всегда держались особняком, отдельно от европейцев. Из всех европейцев только Айвен нашел с ними общий язык. Может, это был русский язык? Не знаю...

Подойдя к кафе, в котором работала Ирина, я решил не заходить туда. Хотелось побыть одному, подумать о гимне – все-таки задание довольно ответственное, кто знает, может это будет гимн на века! Я направился по узкой улочке в незнакомую мне часть города. Вацлав говорил, что если минут сорок идти в ту сторону, то можно выйти к заброшенному ботаническому саду, где до сих пор растут редкие растения и деревья. Мне сейчас хотелось очутиться в каком-нибудь заброшенном месте, в саду или просто среди средневековых руин. В таких местах всегда плодотворно думается и никто не отвлекает.

Прошел мимо маленького магазинчика. Двери его были открыты, и из проема доносилась классическая музыка.

«Нет, – подумал я машинально. – Такая музыка для гимна не годится!»

Через полчаса узенькая улочка перешла в грунтовку, а по бокам неровною аллеею росли магнолии и кипарисы.

Я беспрерывно думал о гимне, но ни мелодии, ни подходящих слов в моем воображении не возникало, и это начинало меня беспокоить: а не зря ли я согласился попробовать вообще?

Перебирая в мыслях значительные гордые слова, достойные лечь в первую строку «государственной песни», я все больше огорчался, но вдруг кто-то окликнул меня из-под раскидистого фигового дерева, стоявшего в неровной шеренге магнолий и кипарисов – явно не на своем месте, как если бы полковник стоял в шеренге после сержанта.

Остановившись, я пригнул голову, заглядывая под дерево.

Мне улыбался генерал Казмо, сидевший на квадратной подстилке. Рядом с ним стояла бутылка вина. За ней – несколько плодов этого самого фигового дерева.

Я поздоровался.

– Иди выпей! – сказал мне он командирским голосом, и я подошел и присел рядом.

Налив вина в свой стакан, он протянул его мне. Я глотнул.

Сладко-кислое виноградное вино охладило горло и отвлекло меня от поиска значительных слов.

– Куда идешь? – спросил генерал.

Я пожал плечами.

– Гуляю...

– А почему один?

– Да думаю... о... важном... – как-то вяло произнес я, не желая рассказывать генералу о том, что, возможно, еще было для него тайной.

– И я думаю о важном, – вздохнув, сказал он. – Давай еще выпьем!

Мы выпили еще по полстакана.

– Предложили мне президентом стать... – развел руками старик Казмо.

– Соглашайтесь! – посоветовал ему я. – Хорошее предложение...

Он сощурил глаза, глядя на меня и думая, наверно, что я шучу или ехидничаю.

– Да-да, соглашайтесь! – закивал я еще раз. – Мне вот предложили гимн написать – и я согласился...

– Гимн?! – лицо генерала приняло серьезное выражение. – Ну и как идет работа над гимном?

– Никак, – признался я. – Ни мелодии нет, ни даже первых слов.

– Возьми для начала мелодию какого-нибудь военного марша и попробуй под нее найти слова, а потом, когда слова уже готовы, замедли ритм, вот тебе и гимн будет! – со знанием дела посоветовал генерал.

– А слова какие должны быть?

– Ну такие... – генерал сжал кулак, подняв его над бутылкой. – Жесткие слова, цепкие, мобилизующие и в меру воинственные... Вот так я думаю!

Я, к его сожалению, думал иначе. По-моему, в мире уже написано излишне много воинственных, мобилизующих и не в меру цепких гимнов. Мне хотелось чего-нибудь другого. Я подумал даже, что во многом именно слова гимна определяют мораль и ценности государства, именно слова гимна показывают, что является главным для народа и страны. Гимны, которые мне приходилось слышать, ну там типа: «Слався, Отечество наше свободное» или «Еще Польша не сгинела» обманывали и продолжают обманывать граждан стран – певцов этих гимнов. И отечество оказывается давно не свободным, и Польша, как вдруг понимает кто-нибудь, давно уже «сгинела». Нет, надо было искать что-то совершенно другое, что-то более человеческое и менее государственное, но как это найти? Как написать главную песнь государства, которая при исполнении не напрягала бы мускулы своих граждан для будущей обязательно кровавой защиты отечества от кого-угодно, думающего посягнуть на святость границ?!

– А что, если вот так... – заговорил вдруг после паузы генерал – он в это время, должно быть, тоже думал, тоже подыскивал нужные слова. – «Гордись, народ свободный, великою страной...» и так дальше?..

Я скривил губы. Где же здесь великая страна?

– Не нравится? – сразу же отреагировал генерал и тоже скривил губы уже в мою сторону.

– Очень похоже на остальные существующие гимны, – ответил я.

– А-а-а, – протянул генерал и снова задумался.

Понимая, что мыслительный процесс генерала вряд ли мне поможет, а скорее всего приведет к тому, что мы рассоримся, я предложил старому вояке выпить еще по полстакана его виноградного вина. Он живо согласился, и печать думы мгновенно сошла с его лица.

– Так стать президентом или нет? – выпив вино, спросил он.

– А почему нет? – удивился я. – Вы когда-нибудь были президентом?

– Нет! – отрезал он.

– Так надо же когда-нибудь попробовать? Не каждому улыбается такая удача!

Он опять напряженно глянул на меня, но, не найдя в моей мимике признаков ехидства, вернул свой взгляд на бутылку.

– Я же человек военный... как командовать, знаю, а как управлять...

– Зря беспокоитесь, – перебил его я. – Президент – это лицо государства. Он обычно ничего не делает. Только подписывает указы, ездит с официальными визитами. А делают все министры, премьер-министры и прочие деятели, так что вам нечего бояться...

– Бояться?! – гневно сверкнул глазами генерал, и я тут же понял свою ошибку. – Я никогда ничего не боялся! Те, кто боялся, давно уже лежат в братских могилах!!! И здесь я говорю с вами не потому, что мне совет нужен, а потому, что скучно тут!

– Извините, генерал! – попросил я прощения. – Не то слово употребил. Конечно, это слово не подходит...

– Ну ладно, – генерал был как всегда отходчив. – Так думаешь, мне стоит попробовать?

– Да.

– Наверное, ты прав. Президент Казмо... Ничего, хорошо звучит.

Я поддакнул кивком головы.

– А можно называться еще – президент генерал Казмо?! – предположил он, вслушиваясь в произносимые им самим слова.

Я не согласился.

– Не стоит, генерал.

– Почему это?!

– Президент – это гражданский генерал или даже маршал, поэтому если вы себя так называете, получается «генерал-генерал Казмо» или «маршал-генерал Казмо». Что-то вроде звания Ким Ир Сена выходит: «дорогой папа-маршал Ким Ир Сен»...

– Да?! – переспросил старик. – Тогда пусть будет просто президент...

Интересно, что когда генерал соглашался со мной – мне это было чрезвычайно приятно. Не знаю, возникло ли это из-за моей долгой бытности рядовым или же попросту от моего уважения к Казмо.

– А неплохо было бы стать президентом в двух странах одновременно! – мечтательно произнес генерал. – Этого ведь, пожалуй, еще не было в истории!

– Кажется, не было... – сказал я.

Взгляд генерала ушел куда-то высоко, туда, где видел он себя президентом двух, а то и трех государств. Воспринимая Казмо совершенно серьезно, я то и дело ловил себя на мысли, что этот человек, в принципе, доверчив, как ребенок. Так, может, он и добр, как ребенок, и ласков по отношению к миру? Во всяком случае, зла он в городе никому не причинял. Но это было и естественным – в городе мира никто никому не причинял зла, это исходило из пяти правил поведения. И хотя он имел права нарушать все эти правила, то, что он нарушал их, тоже не причиняло никому зла. Да и нарушения эти казались дозволением ребенку шалить, словно люди, писавшие правила, настолько были уверены в генерале, насколько может быть уверен только заботливый артиллерист в исправности своей пушки!

– Да-а-а... – наконец выдохнул он и возвратил взгляд на землю, на недопитую бутылку вина.

Я налил еще полстакана и протянул генералу.

– Ну давай, за президента! – и он осушил стакан.

Потом выпил я. Тоже «за президента».

– Хороший ты парень, – генерал улыбнулся мне. – Но, скажу тебе честно, этот русский мне нравится больше... Он – настоящий боец, а ты ведешь себя, как дипломатишка, соглашатель... Но в моей стране дипломатишки тоже нужны...

Последние слова генерала меня почти обидели, но, подумав о них, прежде чем обидеться, я пришел к выводу, что генерал прав. И не так уж плохо считаться «дипломатишкой» после того, как годы потратил беспросветно, по-рядовому, то в грязи, то в боях, то в дезертирствах, хотя последнее всегда поднимало мой бойцовский дух, которого, если быть абсолютно честным, в иных ситуациях я был полностью лишен.

Генерал снова посмотрел на к тому времени полностью опустевшую бутылку и сказал мне: «Все, можешь идти!»

И я пошел, пошел дальше по этой загородной аллее в сторону заброшенного ботанического сада. Я даже не попрощался с генералом, но думаю, что он не обиделся. Он не нуждался в каких-то там мямливых «до свидания» или «пока». Он был ГЕНЕРАЛОМ до последнего седого волоска, торчащего из ноздри, до кончика шнурка его громоздких походных ботинок. Ему было бы приятнее, если б я лихо развернулся кругом, щелкнул каблуками и зашагал прочь, чего я не сделал, подчиняясь вышеупомянутым правилам поведения, да и если б не было этих правил, все равно бы не сделал, уже по другим, собственным соображениям.

Теперь по дороге меня одолевали другие сомнения. Какой гимн может быть у государства, возглавляемого генералом... или тогда уже президентом Казмо. Если гимн будет отвечать характеру президента – то это будет уже не гимн, а военно-полевой марш. Поэтому я старался больше не думать о Казмо. После него будут другие президенты, и они вполне могут оказаться не генералами, а обычными гражданскими людьми, для которых война – не в крови и даже не в характере. И тогда я представил себе такого президента, полненького, лет пятидесяти, типичного либерала, потирающего руки перед подписанием какого-нибудь гуманного закона. И представляя себе такого президента, я снова стал думать о гимне.

А слова все не придумывались. И дорога, окаймленная по бокам магнолиями и кипарисами, вела меня дальше, прочь от столь любимого мною города, вела над морем.

Вскоре я остановился перед проемом в высоком поржавевшем заборе. В этом месте, должно быть, стояли ворота, которые закрывались на ночь и открывались утром. Здесь же валялся квадрат жести, с разъеденной временем, дождями и жарой надписью на каком-то языке или даже на нескольких. Только с краю можно было прочесть: «гарден»... Сад, одним словом.

Зайдя на территорию ботанического сада, я увидел перед собою несколько когда-то аккуратных дорожек, узеньких и изворотливых, обходящих бывшие клумбы и места произрастания редких растений. Я пошел по той, что вела вниз, к морю.

Тропинка словно водила меня за нос, крутилась то в одну, то в другую сторону, и в какой-то момент мне даже показалось, что она закручивается спиралью, заставляя меня ходить сужающимися кругами, но впечатление такое возникло то ли от усталости, то ли от вина, выпитого в компании с генералом. Когда голова действительно закружилась, я остановился, глядя себе под ноги, подождал, пока головокружение прекратится, а только потом огляделся вокруг. И сказка возникла в пространствах, меня окружающих: из земли высовывались причудливые камни, взобравшись на них, цвели кактусы, цвели они невероятно обильно и у многих размеры цветков были таковы, что закрывали полностью тела этих колючих уродцев, а чуть выше взвивались вверх по стволам кустов и деревьев буйные африканские суккуленты, толстые листья которых, опав, тут же укоренились и дали новые бесконечные побеги и уже казалось, что это зеленое воинство атакует небо и не уйти небу никуда, даже низкие облака, если прогонит их с моря ветер, не спасут родину звезд и луны от упорно рвущейся вверх зелени. А там, среди мощных ветвей высоких деревьев, названия которых были мне не известны, среди лианистых паразитов, оплетающих эти ветви, открывали свои агрессивно-прекрасные зевы разноцветные орхидеи. Я почувствовал себя в Африке, и восхищение мое смешалось с искренним любопытством. Я разглядывал широко открытыми, чуть пьяными глазами раскрывшийся предо мною зеленый мир и уже с легкостью представлял себе то или иное растение в горшке, стоящем на подоконнике моего гостиничного номера, а потом даже – на многочисленных подоконниках и террасе моего особняка, – это когда я уже стану постоянным жителем города. Я снова становился свободнее, хотя не так давно верил, что уже более свободным человек быть не может. Но, видимо, нет пределов у ощущения свободы и – только захоти, только попроси меня – ей-богу, сделаю два прыжка для разгона и, расставив руки в стороны, как крылья, воспарю над этим заброшенным ботаническим садом, над этим заброшенным миром, отказавшимся от своих естественных ценностей, от памятников старины, от памяти великих и малых наций. И поднявшись над ним, затаив дыхание, буду искать глазами свое счастье, свое место в этом мире, город, приютивший меня, террасу красивого особняка на склоне горы, спускающейся к морю. А потом, уже найдя глазами все это и насмотревшись вдоволь, опущусь на булыжник возле кафе со стеклянной стенкой и, зайдя и присев на свое (обязательно всегда свое!) место за столиком, буду ждать прихода Ирины, несущей мне кофе со взбитыми сливками, бодрость и ясность мысли, дарящей мне даже то, чего я не заслуживаю!..

Да, коктейль из заброшенного ботсада и виноградного вина был великолепен, такой легкости я в себе не чувствовал уже давно.

И, не спеша идя дальше по той же дорожке, я упивался изысканностью и совершенством мира, растущего вокруг.

И снова я подумал о гимне, но теперь эта мысль показалась мне такой мелочной, такой незначительной на фоне искрометной флоры, что как-то само собой ушло на этот день из моей головы слово «гимн», освободив меня от раздумий и поисков.

В одном месте я присел на корточки и разглядел в зелени деревянные таблички с вечной латынью имен и фамилий жителей этого сада. Я сам себе произнес эти имена и вспомнил слова Ирины о том, что красивые имена не могут принадлежать одной нации. Эти имена явно принадлежали всему миру и это подтвердило правоту моей «балерины». Я даже присмотрелся к другим табличкам, внутренне готовясь увидеть на одной из них выписанное латинскими буквами имя ИРИНА, или ИРИНИЯ, но имена растений были длиннее и барочнее, среди них красовались Артензии, Астрофитумы, Эуфорбии.

Краски, звуки, окружавшие меня в этом месте, были совершенно земными, но это было совершенно не похоже на то, что встречалось моему взгляду на протяжении всей предыдущей жизни, это было другим, словно есть и было две земли: одна собственно ЗЕМЛЯ, а другая – место обитания ГОМО САПИЕНС, место, которое заслужил этот вид, настолько талантливый, насколько и порочный.

Идя дальше, то и дело останавливаясь, дыша запахами орхидей и экзотичных смол, я приблизился к указателю, который настойчиво советовал повернуть налево и пойти вдоль другой тропы. К сожалению, надпись, некогда украшавшая указатель, исчезла. Может, будь я в состоянии прочесть эту надпись, мой интерес к указанному направлению был бы невелик. Но ржавчина поверх уже невидимого слова создавала тайну, загадку, а идти мне было легко, спешить я не спешил, и вот так, даже и не задумываясь, я ступил на рекомендованную молчаливым указателем тропу и покарабкался вверх.

Тропа, впрочем, не только поднималась, но и приспускалась к морю. Шла она примерно на одном уровне, колеблясь в пределах десяти метров. И привела меня к большому щиту перед открытыми навечно железными воротами. На щите было что-то нарисовано. По сохранившимся линиям я смог определить, что там некогда изображено было животное, но угадать – какое именно животное нарисовано – оказалось выше моей догадливости.

Войдя в ворота, я уткнулся носом в ржавый барьер, над которым монументально, и самое удивительное: при полном отсутствии ржавчины, красовалась надпись на английском языке: «Животных не кормить!»

Я подошел ближе и заглянул сквозь ржавую сетку внутрь вольера. Было совершенно глупо ожидать увидеть здесь животных заброшенного зоосада. Тем более, что кто-то просил их «не кормить», кто-то, кто явно не кормил их уже много лет. Но глаза мои отыскивали бывшего жителя этого вольера – крупный белый скелет, на котором кое-где еще держались кусочки пергаментной кожи с клочьями шерсти, лежал в правом дальнем углу. Я инстинктивно втянул носом воздух этого места, готовый сделать шаг назад, почувствовав отвратительный запах разложения, но воздух был тот же и даже показался мне чуть слаще, чем среди орхидей.

Медленно бредя вдоль бесконечно сменяющих друг друга вольеров, я отыскивал глазами белые кости бывших обитателей и тут же шел дальше. Странное ощущение возникло во мне, сменив радость от пребывания в ботсаду. Ощущение-догадка о том, что человек, придумавший концлагеря и лагеря для интернированных лиц, был большим любителем животных и очень частым посетителем зверинцев. Может, он любил и людей, может быть, он любил и людей не меньше, чем животных. И, возможно, иногда по воскресеньям отправлялся с семьей на автомобиле к заграждениям ближайшего лагеря, и там они – он, его жена и двое подрастающих детей – гуляли вдоль колючих заграждений, вдоль человеческих вольеров, над которыми так же возвышался плакат-предупреждение: «Животных не кормить». И, нагулявшись вдоволь, он заводил мотор своего автомобиля и вез свою семью в ближайший ресторанчик, где,

перед семейным воскресным обедом, взяв друг друга за руки, уже сидя за столом, они шептали молитву, благодаря Господа за пищу, данную им днесь. А потом ели. И что-то еще было у них вечером: может, театр, может, кино. И так шла жизнь, оставляя заброшенную флору цвести, а заброшенную фауну – вымирать.

Пройдя еще несколько вольеров, я хотел было повернуть назад, но тут донесся до меня звук, похожий на рычание зверя. И так неожиданно он прозвучал в этом месте, что я остановился как вкопанный и замер. И снова услышал его, теперь уже более отчетливо. И даже определил направление, откуда он доносился. Медленно я развернулся и прикипел взглядом к вольерчику, стоявшему чуть в стороне от остальных. И тут же заметил за сеткой движение.

Не веря собственным глазам, я подошел туда и увидел пару волков. Серебристых волков, скаливших зубы и раздраженно глядевших на меня. Вид у них был сытый и ухоженный. Возле широкого тазика с водой лежали еще не полностью обглоданные кости какого-то животного. Сначала я было подумал, что – человека, но это скорее от испуга. Кости были широченными и длинными, и принадлежать они могли лошади или быку.

«Не кормить», – вспомнил я хорошо сохранившуюся надпись над барьером у входа. Но кто-то ведь кормит этих волков! Кто-то приносит им мясо, наливает воду. И они знают своего добродетеля, иначе давно бы уже и его съели. Кто-то их любит...

Я сделал несколько шагов назад и рассматривал этих опасных красавцев с расстояния. Рассматривал и думал: почему они живы, когда остальные обитатели зоосада давно мертвы? Почему сам зоосад оказался заброшенным так же, как и сад ботанический? Почему город, так любимый мною, не позаботился об этом ближнем для него свете, оставив на произвол мир природы, даже не освободив его перед тем из клеток и вольеров?

Уже выходя из этого грустного зоопарка, я увидел останки семейства дикобразов, живших в широкой, но очень низкой клетке, специально низкой, чтобы дети могли наклониться и сверху рассматривать красивые трехцветные колючки. Колючки, торчащие в разные стороны, лежали теперь на земле в нескольких местах, из-под них выглядывали маленькие тоненькие косточки, тоже отбеленные и отшлифованные жарой и ветром.

С радостью я вернулся в «царство растений», но как приятный хмель, так и радостное настроение мое ушли безвозвратно. Хотя, конечно, говоря такое громкое слово «безвозвратно», я имею в виду всего лишь – до утра или до завтра. Человеку свойственно преувеличивать свои ощущения и эмоции, а мне это свойственно тем более. Я, может, и живу еще только благодаря этим преувеличениям. Может, на самом деле мир мне только нравится, но себе я громко заявляю: «Я люблю этот мир, ЛЮБЛЮ!» Так же я думаю, должно быть, и о Ирине; наверняка трудно преувеличить мои чувства по отношению к городу, но ведь если я не могу быть уверен: насколько я искренен внутри себя, то кто же мне скажет правду? Кто? Орхидеи? Артензии? Эуфорбии? Ирина?..

Изменчива природа человеческих настроений, и вот уже, чтобы отвлечь свою зрительную память от мрачных картин заброшенного зоосада, я возвращаю себе слово «гимн» и заставляю его крутиться в моих мыслях, играть разными неслышимыми мелодиями, подбирая одну из них для себя, для еще ненаписанных и непридуманных слов, которые, возможно, когда-нибудь и мне помогут собраться из осколков эмоций в нечто целое, поднять решительно голову и жить дальше, жить, несмотря ни на что и вопреки всему, не согласному со мной. Когда-нибудь... Но все-таки это не будет ни военная песнь, ни песнь о могуществе. Но что это будет? Как найти слова? Где искать их? Еще бы полстаканчика того вина. Только полстаканчика, и не надо рядом генерала Казмо, не надо рядом никого. Полстаканчика вина – и мыслям – отдых, глазам – розовое марево, опускающееся на город, воображению – черноволосую девушку с маленькой рыжей собачкой, медленно плывущую в этом розовом мареве...

Когда я вернулся в гостиницу, уже вечерело. В коридоре негромко звучал четкий голос, сообщавший кому-то вновь прибывшему правила поведения в городе.

В номере горел свет. Айвен распаковывал какие-то ящики – они лежали на полу и было их до десятка.

– А, привет! – оглянулся он на меня. – Тут к тебе приходили и оставили вон то...

Он показал взглядом на сложенную китайскую ширмочку, стоящую подле моей кровати.

– Как дела с гимном? – спросил Айвен.

– Медленно... – признался я, преувеличивая результаты. На самом-то деле дела с гимном обстояли никак.

– Ничего, – ободрил меня мой сосед. – Главное, чтобы ты не запоздал к принятию декларации о суверенитете.

– А когда это будет?

– Дня через четыре... – задумчиво ответил Айвен.

Я прислонил ширмочку к стенке – в этот вечер она мне была не нужна. Присел на кровать. Моя психика заканчивала переваривать впечатления от прошедшего дня, и веки были не против сомкнуться.

– Ну-ка глянь! – прозвучал глуховатый, чуть ли не утробный голос, и я поглядел на Айвена.

Его глаза весело смотрели на меня через круглые очки новенького противогаза.

– Ну как? Класс? – спросил он.

– Откуда у тебя? – удивился я.

Он ткнул рукой в посылочный ящик.

– Мама прислала, я попросил...

– ?! – я только открыл рот, а вымолвить так ничего и не смог.

– Она у меня на военном заводе работает, вот и... – и он развел руками, полагая, что такого объяснения мне достаточно.

– Щелкни-ка меня, отошлю ей фото на память! – Айвен протянул мне фотоаппарат.

Я сделал два снимка.

– Чуть-чуть жмет, – признался сосед, стаскивая с головы маску противогаза. – Надо бы разносить... был бы я сейчас в роте – кто-нибудь из молодых мне бы его за два дня разносил! Ну ничего...

От висков вниз у Айвена шли красные полосы от жесткой резины маски.

Я захотел спать. Зевнул так, что Айвен зевнул вслед за мной.

– Я настольную включу, а ты ложись! – с пониманием произнес он.

Настольная лампа показалась мне намного ярче, чем плафон из матового стекла, свисавший с потолка, и я все-таки поставил ширму.

Уже лежа на кровати и готовясь ко сну, я слышал, как Айвен вскрывал другие посылки и доставал оттуда что-то железное, завернутое в бумагу. Удивительно, как много могут сказать звуки...

А поздно ночью, я даже не знаю, в котором часу, пришла Ирина. Пришла и подвинула меня к стенке. Я сначала не мог понять, что со мной происходит, принимая все за сон, но ей удалось разбудить меня. И я снова был счастлив, впитывая кожей ее тепло, целуя и почти облизывая ее лицо, глядя ее волосы, шепча ей десятки нежных пушистых слов.

Утром она снова ускользнула, и я проснулся уже один, проснулся оттого, что сну моему кого-то недоставало, недоставало тепла, недоставало дыхания Ирины.

Я проснулся, сходил позавтракать и зашел в ее кафе.

Мы пили кофе, и она спросила:

– Как дела с гимном?

– Пока никак.

– Ничего, – сказала она. – Это трудно... но когда ты его напишешь, о тебе все узнают!

И в голосе ее прозвучала будущая гордость за меня.

Я вздохнул. Может, Господь не оставит меня без помощи в этом трудном и ответственном деле. Я надеялся.

И вот уже я снова на набережной, один на один со своими мыслями, один на один с желанием создать гимн, которым смогу гордиться.

Легкие облака плывут по небу, притупляя острые солнечные лучи. Кричат чайки, кружа над яхточками и прогулочными лодками. С трех пирсов отдыхающие герои удят рыбу.

Город тих и спокоен. Он дремлет в счастливом неведении, он блаженствует, не зная, какая судьба ему готовится его же гостями. Он стар, даже более чем стар – древен, и все эти мимолетные странички его же истории его не волнуют.

Может, начать гимн со слов о древности города и о его истории?!

Нет, не годится! Из его истории нечего брать. Вся история – лишь сооружение из камней храмов и их последующее разрушение. Какой храм разрушит грядущая революция? Что о ней скажут потомки? Или так же, как в России, будут проклинать создателей нового, строителей куполов, увенчанных рубиновыми звездами?!

Но разве в гимне главное – материализованное государство? Нет, главным должен стать народ... Но опять и это слово мне не нравится, и звучит оно как-то деревянно. Человечество, массы, люди, человек...

Вот я, кажется, и нащупал верное слово. Главным в гимне должен стать каждый человек государства, каждый житель города...

ЧЕЛОВЕК... Как написать о тебе хорошую песню? Как оставить от тебя в будущем гимне только хорошее и куда деть все порочное, которого намного больше? А, человек?

Но, глядя на идущих мне навстречу гуляющих героев и девушек, приехавших вслед за этими героями, я вижу счастливые открытые лица, добрые, желающие всему миру процветания, улыбки. Вот оно, хорошее, то, что сверху и видимо. Вот об этом и надо писать. Вглубь не смотреть, в душу не заглядывать...

(«Животных не кормить!» – вспомнилось мне почему-то.)

За всю свою жизнь я написал только одну песню, и, как назло, эта песня была пропитана воинственностью, гордостью и патриотизмом жителя великой империи. В нашем полку во Вьетнаме она настолько прижилась, что мне приходилось ее слышать почти каждый день и помню, как меня тошнило от ее слов, особенно перед тем, как я принял окончательное решение дезертировать.

Не знаю, сколько раз я прошел туда и обратно по набережной, сколько мыслей и идей побывало в моей голове, которая уже начинала гудеть, как гудят провода на линиях высоковольтных передач. Но тут меня окликнул Вацлав и я охотно отвлекся от своих размышлений.

Последнее время он как-то глуповато по-английски начинал свои разговоры. Обращал внимание собеседника на чудесную или же, наоборот, отвратительную погоду, хотя последней, по большому счету, не случалось, и только затем из его рта вылетали нормальные человеческие слова. В этот раз о погоде он забыл.

– Сегодня праздник! – сообщил он весело. – День арабской культуры!

– Арабской культуры? – переспросил я, и он, заметив недоумение на моем лице, пояснил:

– Инспектор по правилам поведения разрешил им...

– И что там будет?

– Посмотрим! Наверное, что-то вроде арабского народного гуляния.

– А где?

– На площади Святого Лаврентия.

– И такая есть? – я удивился еще больше.

– Да, это единственная площадь в городе. Вверх по лестнице от твоей гостиницы, – объяснил Вацлав. – Знаешь, там есть пьедестал от какого-то памятника и надпись на нем сбита молотком... так вот сразу за ним и вверх. Минут пять идти...

Насколько надо быть ленивым человеком, чтобы не изучить этот в общем-то крохотный город!

Предупредив, что праздник арабской культуры начнется через час, Вацлав захотел пригласить туда еще кого-то из своих друзей. Он ушел, и я опять остался в полном одиночестве на набережной. Но больше в этот день о гимне я не думал. Я смотрел на горизонт и ждал обещанного праздника.

Площадь Святого Лаврентия я нашел быстро. В ее центре были сложены какие-то картонные коробки. Я подумал, что это декорации для будущего праздника.

Возле коробок дежурили несколько парней из восточных армий. Они весело переговаривались, улыбались и время от времени озирались по сторонам, проверяя, собирается ли народ на праздник их культуры.

Прошло еще минут двадцать, прежде чем площадь начала заполняться зрителями и участниками. Подошел и Вацлав в компании с будущим правительством – теми самыми ребятами, остававшимися на вершине предгорья обсуждать светлое будущее. Потом кто-то положил мне руку на плечо. Я обернулся.

– Привет! – Айвен улыбнулся. – Тоже праздника захотелось?

– А кому не хочется? – дружелюбно заметил я.

– У нас скоро свой праздник будет! – твердо заявил Айвен. – И запомни: главная песня праздника – твоя!

Я кивнул.

– А с этими ребятами, – Айвен кивнул на арабов, – может быть, придется трудновато. Я уже говорил с ними, но их устраивает только исламская революция с присоединением города к Ирану. Нам с ними явно не по пути.

– Да, – согласился я. – Мы пойдем другим путем.

– О! – усмехнулся Айвен. – И ты историю любишь?

В центр площади в этот момент вышел статный герой и что-то громко сказал, после чего все арабы воздели взгляды к небу и сотворили молитву. Когда молитва завершилась, они стали в некое подобие хоровода вокруг картонных коробок и, запев что-то небыстрое, стали медленно ходить по кругу.

– Очень похоже на русский хоровод! – сказал Айвен.

Танцующие остановились и стали двигаться в другую сторону.

А в это время трое других представителей арабской культуры оказались в середине круга и принялись доставать из коробок какие-то толстые книги, которые тут же опускали себе под ноги.

В конце концов на булыжнике площади возвысилась метра на полтора гора книжек, обложенная по бокам пустыми картонными коробками. Кто-то из парней вылил на книги что-то из канистры и бросил горящую спичку. Тут же в небо рванулось пламя, охватившее книги. А мужской хоровод стал двигаться быстрее и ритмичнее, и даже послышалось пение.

Айвен сожалеюще причмокнул языком.

Я обернулся к нему.

– У меня на родине за такое количество макулатуры можно получить три загранпаспорта! – сказал он, негромко возмущаясь.

– Три загранпаспорта?! – Я посмотрел на соседа, как на немножко больного человека.

– Да, – он пожал плечами, не понимая, что меня, собственно, удивляет в его словах. – У нас не хватает бумаги на паспорта и поэтому, если ты хочешь ехать за границу – надо сдать 60 килограммов хорошей бумаги. А после этого тебе за день выписывают загранпаспорт, и ты себе спокойно едешь!

Танец продолжался, но песня теперь звучала другая. И книги, сгорая, почему-то распространяли по площади запах горящих автопокрышек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.